

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаулский юридический институт

Александр Федяев

В небе Европы

Повесть

Барнаул 2009

ББК 84.7(рус)
Ф 35

Ф 35 Федяев, А.Е. В небе Европы : повесть / А.Е. Федяев. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2009. – 64 с.

Посвящается 65-летию Победы в Великой Отечественной войне

Повесть А.Е. Федяева «В небе Европы» посвящена фронтовой юности Николая Георгиевича Михайлова – ветерана Великой Отечественной войны, проработавшего много лет в Барнаульской специальной средней школе подготовки начальствующего состава МВД СССР (ныне ГОУ ВПО «Барнаульский юридический институт МВД России»). Издание приурочено к 85-летнему юбилею Николая Георгиевича.

События повести возвращают нас в те нелегкие фронтовые будни, выпавшие на долю вчерашних школьников, среди которых был и Коля Михайлов. Едва окончив школу, он был призван в ряды Красной Армии и стал штурманом бомбардировщика дальней авиации, совершив немало боевых вылетов на позиции противника. Это история лишь одного человека, может быть, обычная для тех лет, но в то же время героическая.

Эта книга – дань уважения ветеранам Великой Отечественной войны, всем выстоявшим и павшим, но победившим в ожесточенной схватке с фашизмом.

© А.Е. Федяев, 2009
© Барнаульский юридический институт МВД России, 2009

Уважаемый Николай Георгиевич!

От имени руководства, Ученого совета, личного состава и Совета ветеранов Барнаульского юридического института МВД России примите самые искренние поздравления с Вашим юбилеем!

Восемьдесят пять лет – значительная дата, подводящая итог прожитым годам, событиям, и, конечно же, делам! Вся Ваша биография являет собой яркий пример служения Отечеству,

верности долгу и высоким идеалам российского офицерства. Вы проделали длинный и не всегда легкий жизненный путь от штурмана военного бомбардировщика до заместителя начальника специальной средней школы подготовки начальствующего состава МВД СССР.

В юности, получив крепкую авиационную закалку, воплотив детскую мечту о небе, Вы с достоинством и честью сохранили в себе качества, которые стали определяющими в карьере офицера органов внутренних дел.

В годы Великой Отечественной войны, будучи штурманом бомбардировщика дальнего действия, Вы с беспримерным мужеством и героизмом уничтожали важные стратегические объекты противника. Ваш боевой подвиг – высоконравственный пример для молодежи. Ваша воинская доблесть и вера в Победу – образец стойкости и чести для всех нас.

Родина по достоинству оценила Ваши заслуги. Вы награждены орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и многими другими.

Вы представляете славную плеяду людей, стоявших у истоков становления Барнаульской специальной средней школы подготовки начальствующего состава МВД СССР, правопреемником которой является наше образовательное учреждение. Трудно переоценить Вашу роль в укреплении материальной базы специальной школы, а также в формировании учебно-методического обеспечения учебного отдела, замести-

телем начальника которого Вы являлись долгое время. Редкие личностные и профессиональные качества позволили в полной мере раскрыться Вашему таланту в должности начальника цикла исправительно-трудового права школы. Житейская мудрость в сочетании с неиссякаемым благородством и широтой души создали Вам репутацию авторитетного и уважаемого человека, опытного руководителя, надежного соратника и друга!

Руководство и профессорско-преподавательский состав института высоко ценит тот вклад, который Вы вносите в дело патриотического воспитания подрастающего поколения защитников правопорядка.

Уважаемый Николай Георгиевич, книга, которую вы держите в руках, посвящена Вам, Вашей боевой молодости, Вашим славным делам на благо Отечества. В день знаменательного юбилея от чистого сердца желаем Вам крепкого сибирского здоровья, долголетия, добра, оптимизма и большого человеческого счастья. Пусть удача никогда не изменяет Вам, а каждый день Вашей жизни будет согрет теплом любви и внимания близких людей.

С уважением,

начальник
ГОУ ВПО БЮИ МВД России
кандидат юридических наук, доцент
генерал-майор милиции

Н.Н. Михайлов

Уважаемый Николай Георгиевич!

От имени ветеранской организации Барнаульского юридического института МВД России примите наши самые теплые и искренние поздравления с 85-летним юбилеем!

На долю Вашего поколения выпали годы суровых испытаний. Великая Отечественная – что она для нас, родившихся спустя многие годы после ее окончания? Кадры кинохроники, потускневшие медали на груди фронтовиков, слезы ветеранов у Вечного огня...

Время неумолимо. И все меньше остается тех, для кого та война – часть жизни, реальные кровь, пот, горечь потерь, и радость долгожданной победы. И тем ценнее свидетельства очевидцев тех далеких событий.

На протяжении всей жизни Честь и Доблесть всегда были и остаются для Вас не пустым звуком. Ваша жизнь была посвящена одной цели – служению Отечеству.

Поздравляя Вас с юбилеем, мы от души желаем Вам крепкого здоровья, счастья и долгих, долгих лет жизни!

С уважением,

председатель совета ветеранов
ГОУ ВПО БЮИ МВД России
кандидат юридических наук,
полковник вн. службы в отставке

A handwritten signature in dark ink, appearing to read 'А.Е. Федяев'.

А.Е. Федяев

Николай Георгиевич Михайлов родился 14 декабря 1923 года в селе Бескурники Ленинского района Тульской области в семье рабочего. В 1932 году семья Михайловых переехала в Тулу, где глава семейства Георгий Михайлович работал мастером на оружейном заводе. В 1936 году отец Николая умер, и на руках у матери осталось четверо детей, из которых он был старшим. В июне 1941 года Николай окончил среднюю школу в Туле, и 10 июля был призван в Красную Армию. Учился в Челябинском авиационном училище штурманов, затем был направлен

в боевую часть – 18-й Гвардейский Краснознаменный Севастопольский полк бомбардировочной авиации дальнего действия.

Будучи штурманом экипажа дальнего бомбардировщика Ил-4, младший лейтенант Михайлов совершил 12 боевых вылетов. В 1944-1945 годах его экипаж принимал участие в бомбардировках Будапешта, Дебрецена, Кенигсберга, немецких военных баз Пиллау и Свинемюнде, а также участвовал в боевых вылетах на Берлинском направлении. За свой ратный труд Николай Георгиевич награжден орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина» и другими.

В июне 1946 года лейтенант Михайлов демобилизовался из армии и поступил на службу в органы внутренних дел. В УВД Тульской области он прослужил до 1955 года, без отрыва от службы закончив Владимирскую специальную среднюю школу подготовки начальствующего состава МВД СССР.

В 1955 году Н.Г. Михайлов поступил учиться в Высшую школу МВД СССР в Москве, которую с отличием окончил в 1958 году. Затем был направлен в Барнаульскую специальную среднюю школу подготовки начальствующего состава МВД СССР, где в течение четырех лет работал в должности заместителя начальника учебного отдела. В 1962 году назначен начальником цикла советского исправительно-трудового права.

В январе 1971 года по приказу министра внутренних дел полковник Н.Г. Михайлов был направлен в Уфимскую специальную среднюю школу подготовки начальствующего состава МВД СССР, где работал в должности заместителя начальника школы по учебной работе вплоть до выхода на пенсию в 1985 году. Его общий стаж службы в МВД – 39 лет.

В 2005 году Николай Георгиевич вернулся в Барнаул. Сейчас он активно сотрудничает с ветеранской организацией Барнаульского юридического института МВД России, где прослужил 13 лет. Встречается с курсантами и слушателями института, внося неоценимый вклад в патриотическое воспитание будущих сотрудников органов внутренних дел.

Повесть А.Е. Федяева «В небе Европы» посвящена военному подвигу Николая Георгиевича. Она возвращает нас в те нелегкие фронтовые будни, выпавшие на долю вчерашних школьников, среди которых был и Коля Михайлов. Это история лишь одного человека, может быть, обычная для тех лет, но в то же время героическая.

Эта книга – дань уважения ветеранам Великой Отечественной войны, всем выстоявшим и павшим, но победившим в ожесточенной схватке с фашизмом. Они подарили своей Родине свободу, а нам, своим потомкам, – мирное небо над головой.

Год за годом, все дальше и дальше время неумолимо отдаляет от нас светлый и радостный день – 9 мая 1945 года. День Великой Победы советского народа над немецким фашизмом.

Годы войны... Головы скольких людей они покрыли сединой в двадцать-тридцать лет. Миллионы молодых людей погибли на фронтах Великой Отечественной войны. А сколько молодых, талантливых летчиков, штурманов, воздушных стрелков бомбардировщиков и штурмовиков не вернулись на свои аэродромы, выполняя боевые задания. И какое еще несчетное количество могил безымянных героев до сих пор скрыто в земле, по которой огненным молохом прокатилась война.

И чем дальше уходят те грозные дни, тем крепче память о боевых товарищей у оставшихся в живых ветеранов.

Годы не властны над памятью людской. Но всё меньше и меньше остается на земле людей, не просто переживших, а прошедших огненные версты той страшной и жестокой войны, сделавших десятки и сотни боевых вылетов, каждый из которых мог оказаться в их жизни последним...

1

Лето в этот год на радость выдалось жарким, а через неделю в школе должны были начаться выпускные экзамены. Двое друзей, Коля Михайлов и Гена Васильев, сидели во дворе многоквартирного дома в тени деревьев и, как это часто бывало, играли в шахматы.

– Ген, ты когда к экзаменам начал готовиться? – спросил Николай.

– Шутишь что ли? Времени до экзаменов еще много, чего тогда загадя беспокоиться... Делай лучше свой ход, Колька, а то ладьи лишишься, – вымолвил Генка, посмотрев на друга. И после того, как тот передвинул на шахматной доске очередную фигуру, продолжил:

– Вот думаю, что пора шпоры начинать писать. Глядишь, вдруг повезет, да и учить особо не надо. Что, в первый раз что ли? Прорвемся, Коль, прорвемся... Ходи давай снова.

– Вечно ты, Генка, на дармовщину горазд, – пробурчал Николай, двигая очередную свою фигуру на шахматной доске. – Опять на списывание надеешься, а знания-то как же? А еще в авиацию собрался...

– Ну и собрался, так что же? Думаешь, не поступлю в лётное? Поступлю, вот увидишь, Колян. Кстати, тебе уже шах! – обрадованно потирая ладони, промолвил Генка. – Ну что, Коль, сдаешься?

– Нет уж! Биться буду до конца, – отверг предложение друга Николай и в задумчивости склонился над шахматной доской, прекрасно понимая, что эту партию он, конечно же, безнадежно проиграл. Но сдаваться было не в его характере. Биться до конца – так всегда учил Кольку Михайлова его отец, который умер пять лет назад, в 1936 году. У матери на руках в то время оставалось четверо детей, из которых Николай был самым старшим.

Но тут вдруг подумалось, что уже давно они с друзьями Генкой Васильевым и Колькой Лазаревым решили после окончания средней школы стать летчиками и собрались все вместе поступать в лётное училище. Правда, в какое, они еще не определились и решили, что в военкомате подскажут, куда лучше.

– Коль, ты чё совсем уснул что ли? Ходи давай или сдавайся! Что застыл как истукан, задумался что ли? – пихнул его в бок раздосадованный Генка.

– Куда спешить... Дай подумать, – отмахнулся от товарища Николай, а затем, бросив взгляд в сторону соседнего дома, воскликнул: – Вон, гляди лучше, там твоя Лидка идет, – и кивнул в сторону девушки в светлом платье, направлявшейся, по-видимому, к ним.

– А чё это вдруг моя-то? – возмутился Генка.

– Это она у тебя всякий раз зимой просила снять ей твой большой отцовский валенок, чтобы запустить им в Кольку Лазарева, чтобы тот перестал ей корчить в классе рожи... Уж очень ей понравились твои большие пимы, их так удобно было кидать.

– Не болтай ерунды, Лида ко всем относится хорошо, – ответил Николай и, сделав ход, повернулся к приближавшейся к их скамейке однокласснице.

– Привет, мальчики! Опять турнир? И кто побеждает? – засыпала парней вопросами Лида Чернецова.

– Да так, с переменным успехом, – нехотя ответил Николай и вновь взглянул на доску.

– Всё, Колька! Тебе мат! – торжествующе объявил Генка и победно посмотрел на девушку.

– Да ладно, гроссмейстер. И сам давно вижу, что продул тебе эту партию, умник! – досадливо отмахнулся от друга Николай.

– А если видел, так что же не сдавался-то, Коля? – тут же поинтересовалась присевшая рядом Лида.

– А он у нас никогда не сдается, кредо у него такое. Слышь, Коль, повышенное чувство собственного достоинства – это естественная компенсация, помогающая человеку перенести пониженное чувство юмора. Ну, как тебе эта мысль? – ухмыльнулся Генка хитро взглянув на друзей.

– М-да... Классно, конечно. Вашими бы устами, Геннадий да... помолчать. Не будешь спорить с другом – он сочтет себя правым, начнешь – только убедишь его в этом, – ответил Николай, складывая шахматы.

– Да хватит вам, ребята! – укоризненно покачав головой, сказала девушка. – Лучше бы к экзаменам начали готовиться... Ну, я пошла. Пока, мальчики, – попрощалась Лида, поднимаясь со скамьи, и направилась дальше, к своему дому.

– Пока, пока! – ответили друзья, проводив девушку взглядами, ненароком любуясь ее стройной фигурой и чудными роскошными волосами, заплетенными в длинную русую косу.

– Я, пожалуй, тоже пойду. Надо матери еще помочь, да и немало хоть учебники почитать, – сказал Николай.

Гена согласно кивнул, и тут же ухватив за рукав пытавшегося встать со скамейки друга, спросил:

– На выпускной пойдешь?

Николай, слегка смутившись, пожал в ответ плечами, а затем нехотя ответил:

– Пока не знаю... Там видно будет, – и, кивнув Геннадию на прощание, пошел, сразу как-то слегка ссутулившись, домой, мысленно возвращаясь к только что им оброненной фразе – «Пока не знаю...»

Нет, он, конечно же, знал, что не пойдет на свой выпускной вечер в школе в пятницу 20-го июня. И не потому, что не хочет, а потому, что ему просто не в чем идти на это торжество. Единственный

имевшийся в семье костюм давно стал Николаю мал. К тому же, как это часто бывает в многодетных семьях, мать уже отдала его младшему братишке, Сашке. Так что идти ему на встречу в школу не придется. Но разве об этом скажешь, пусть даже своему близкому другу? Конечно же, нет. Уж лучше не пойти на выпускной, чем ловить на себе явно сочувствующие взгляды одноклассников по поводу его отнюдь не праздничного одеяния. «Да... Пожалуй, так и надо будет поступить, – думал на ходу Николай, – а за аттестатом зрелости я могу зайти и в понедельник, 23 июня, к директору школы».

Однако в понедельник 23 июня Николаю было уже не до получения аттестата о среднем образовании. Мир буквально в одночасье изменился для многих миллионов советских людей воскресным утром 22 июня 1941 года.

А тогда, накануне, теплым летним вечером в пятницу 20 июня из окон средней школы лилась лирическая и танцевальная музыка. И было слышно, как чарующий голос тягуче-проникновенно выводил в вечерней сумрачной прохладе июньского вечера: «В парке Чаир распускаются розы...» Медленные, лирические песни сменялись бодрящими, отрывистыми ритмами фокстротов и танго «Брызги шампанского». И под эту музыку на школьном дворе кружились нарядные улыбающиеся пары вчерашних десятиклассников, перед которыми уже в понедельник откроется новый мир, в котором юноши и девушки почувствуют себя взрослыми и самостоятельными людьми.

Ах, как хотелось им, полным надежд и мечтаний, поскорей окунуться в эту взрослую жизнь!.. Стать самостоятельными, полноправными гражданами страны Советов, перед которыми распахнуты все дороги.

И никто не мог предположить, что уже буквально через сутки с небольшим мир совершенно изменится и масштабы постигшей страну трагедии будут ужасающими, а людские потери – поистине безмерными...

Ничего этого Колька Михайлов пока еще не знал. Он в задумчивости сидел в темноте своей комнаты, возле раскрытого окна, и любовался раскинувшейся чернотой безбрежного звездного неба, невольно прислушиваясь к звучанию музыки, доносившейся со стороны школы.

Где-то там, под звуки вальса и танго кружились парами его друзья-одноклассники, собравшись вместе в последний раз в здании школы. И так хотелось пойти и посмотреть – хотя бы украдкой, издали, – на это торжество. Но Николай тут же усилием воли гасил подобные желания, понимая, что сделай он шаг в сторону школы – и всё. Самому себя не остановить в желании в последний раз посмотреть, хотя бы издали, на своих друзей из 10-го «Б».

Он не знал, да и не мог знать, о том, что уже через день для миллионов людей Советского Союза мир расколется на до и после войны. Что для многих тысяч выпускников средних школ этот год станет последним годом их жизни. Что именно об их поколении, вчерашних десятиклассников, будут впоследствии говорить – юность, опаленная войной...

2

Воскресное утро 22 июня 1941 года началось как обычно. После напряженной недели со сдачей выпускных экзаменов хотелось выспаться. Проснувшись от ярких лучей солнечного света, Николай с удовольствием, до хруста в суставах, потянулся в кровати и, глянув с улыбкой на открытое настежь окно, нехотя встал с кровати.

Стрелки часов на циферблате мерно тикающего старого будильника показывали уже десять часов. Умывшись и одевшись, Николай прошел на кухню, где на столе его ждал завтрак – накрытые от мух полотенцем пара оладьев, две картофелины и стакан молока.

Младшие братья и сестра Николая, позавтракав, уже давно убежали на улицу. Мать тихо сидела у окна, штопая носки ребятишкам. Затем, кинув взгляд на Николая, тихо сказала:

– Ходила с утра за молоком. Возвращаюсь, а наш сосед Павел Игнатьевич увидел меня и сказал, что недавно по радио слышал о том, что в 12 часов пополудни будут передавать какое-то важное правительственное сообщение. Ты бы сходил на площадь послушал чего там, Коленька, а?

– Ладно, мама. Конечно же, схожу узнаю, что там. А Генка-то с утра не появлялся, случайно? – спросил он мать.

– Да нет, не приходил. Тоже, наверное, отсыпается, отдыхает от школы, как и ты. Аттестат-то когда заберешь? – тут же спросила мать.

– Да в понедельник схожу и заберу. Ты не волнуйся, мама, он никуда не денется, – вздохнул Николай, медленно пережевывая свой завтрак.

Через час послышался стук в дверь – это пришел Генка, и сразу же затараторил с порога:

– Коль, слышь! Там, это... какое-то сообщение будут через час передавать по радио. Батя мой, как услышал, так с утра ходит хмурым. Может, случилось чего? Ты не слышал?

– Не знаю, Гена, не слышал. Я вообще ничего не слышал. Сходим на площадь в центр, послушаем. Чего сейчас гадать-то?

– И то верно, – согласился Генка.

– Ну что, может тогда партеечку в шахматы сыграем, а? – потирая руки, с ухмылкой спросил Генка.

– Нет, Ген. Чего-то не хочется. Пошли лучше потихоньку на улицу. Пока дойдем, не спеша. Расскажешь про выпускной по дороге, идет? – хлопнул по плечу своего друга Колька.

– Идет. Пошли, – нехотя подымаясь со стула, ответил Генка.

Выйдя на улицу, друзья неспешно двинулись в сторону центра Тулы. Воскресным днем на улицах города всегда было много людей. По дороге на площадь Генка рассказывал о выпускном, стараясь не упустить ни малейшей подробности. Николай шел рядом молча, иногда машинально кивая и поддакивая своему другу, в то время как мысли его витали где-то далеко-далеко.

Школьные годы остались позади. И они с Генкой сейчас стоят на пороге новой жизни. И вот, это последнее их беззаботное воскресенье. А дальше... дальше – взрослая жизнь. Николай в глубине души даже не знал, радоваться этому событию или печалиться. Одно становилось ясным и понятным ему – кончилось беззаботное время...

– Коль! Да ты меня совсем не слушаешь, – тронув за рукав друга, сказал Геннадий. – О чем ты все время думаешь?

– Да так... Обо всем сразу и ни о чем, – ответил Николай.

Без десяти двенадцать они подошли к площади, на столбах вблизи которой висели репродукторы. Народ уже кучками толпился возле них. Все о чем-то тихонько переговаривались, у многих

было озабоченное выражение лица. Николай ловил себя на мысли, что в происходящем невольно чувствовалась тревога, она словно неосяземо витала в воздухе. А может быть, это было всего лишь давящее чувство неизвестности?

Задумавшись, он невольно вздрогнул, когда из репродукторов вдруг раздался голос диктора:

«Внимание, внимание! Говорит Москва!

Передаем экстренное сообщение... Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в четыре часа утра, без объявления войны, германские регулярные части атаковали наши границы во многих местах... И подвергли бомбежке наши города: Минск, Каунас, Севастополь...»

Николай с чувством тревоги слушал слова диктора.

– Война! Это война с Германией! – тут и там раздавались возгласы людей. Мужчины выходили из толпы с хмурыми лицами. Было слышно, как в разных местах среди собравшихся на площади людей слышен был горестный женский плач. Многие словно окаменели, молча смотрели на репродукторы, будто ждали еще чего-то важного... Выслушав правительственное сообщение, мужчины, разбившись на группки, дымили папиросами и тихо обсуждали услышанное.

Николай с Геннадием направились к дому. Известие о начале войны разом облетело весь город.

Дед Антон, брат бабушки Николая, сидя на завалинке, в задумчивости ковырял костылем землю перед собой. А когда Николай с Генкой подошли к нему поближе, вздохнул и тихо сказал:

– Да, внучки... Немец силен, с ним будет трудно сладить. Война будет долгой.

...Прошло десять дней с начала войны. Враг все дальше и дальше продвигался вглубь нашей территории. В Туле появились первые гражданские лица, эвакуированные из Прибалтики.

4 июля Николай и многие его бывшие одноклассники, придя в военкомат, в течение дня прошли медкомиссию, после чего получили повестки, в которых было указано о прибытии 10 июля 1941 года с вещами на призывной пункт, располагавшийся на улице Коминтерна.

По дороге домой из военкомата Николай зашел за продуктами, которые просила купить мать. Выйдя из магазина и повернув за угол, он натолкнулся на группу людей, обступивших молодую женщину, державшую за руку маленькую девочку и что-то оживленно рассказывавшую окружившим ее людям. Подойдя поближе, Николай понял, что женщина была, видимо, из числа эвакуированных, прибывших откуда-то из-под Каунаса. Она рассказывала о том, что их эшелон отправили на восток буквально в последние часы перед вступлением немецких войск в город. Что накануне в городе была стрельба – стреляли с крыш домов по проходящим машинам с ранеными. Да и вокруг было столько неразберихи и хаоса, что люди говорили даже о предательстве красных маршалов Ворошилова и Тимошенко. Иначе как же, мол, еще-то можно было объяснить отступление советских войск из Прибалтики.

«Неужели вновь предательство? – думал Николай, направляясь к дому. И тут же сам успокаивал себя: – Нет, не может этого быть... Ну, а вдруг? Ведь они же приехали оттуда?»

– Чего задумался, Колька? – окликнул его во дворе сосед Михайловых – дядя Паша, отец Нинки из 9-го «А».

– Да так... Прошел медкомиссию. Сказали, что здоров, а потом вот повестку получил. 10-го числа явиться на призывной пункт. У магазина женщина эвакуированная рассказывала о том, как там было. Как по отступающим красноармейцам и беженцам стреляли с крыш домов фашистские прихвостни. Говорила о предательстве Ворошилова и Тимошенко, что они, мол, не организовали надлежащий отпор врагу. Ну, как такое может быть, дядя Паша? – спрашивал соседа Николай. Тот лишь пожал плечами, буркнув в ответ чуть слышно:

– Может, брехня... А может и нет, кто знает.

– Да нет, дядя Паша. Точно брехня. Не может такого быть! Слышите, вон и песню поют: «С нами Сталин родной, Ворошиловгерой...» Нет, врут всё... Точно, врут! – уверенно произнес Николай и, кивнув, пошел к себе в квартиру.

Павел Игнатьевич, ухмыльнувшись, посмотрел вслед юноше, подумав, что надо бы сообщить об этих разговорах куда следует...

Утром 10 июля Николай встал пораньше, чтобы еще раз проверить содержимое собранного накануне вещмешка, с которым ему

предписано было явиться на призывной пункт. Из кухни уже доносился запах оладий и жареной картошки. Умывшись, Коля прошел на кухню, где уже хлопотали мама и бабушка Агафья. Увидев вошедшего сына, мать вздохнула и с грустью сказала:

– Уже проснулся, сынок? Садись завтракать.

Бабушка стояла у плиты, украдкой вытирая слезы кончиком фартука.

– Ну, что ты, мама... Бабушка... ну, что вы... Всё будет хорошо! – начал успокаивать их Николай.

– Да мы что... мы ничего, сынок... Ты ешь, ешь, пока горячие, – ответила мать.

После завтрака, повесив на плечо мешок, Николай стал прощаться с родными. Бабушка Агафья, сухонькая, маленькая старушка, подошла к Николаю, обняла его, уже не скрывая слёз, и сказала:

– Война-то больно тяжёлая будет нынче, внучек... Колька! Ты береги себя, родной... Возвращайся! – затем, перекрестив трижды, поцеловала наклонившегося к ней внука. – Благослови тебя Господь, Коленка! – прошептала еще раз старушка и тихо отошла в сторону.

Братья и сестра Клава подбежали к Николаю и облепили его со всех сторон, крепко обнимая и прижимаясь к нему. Младшая сестренка Клава, почти плача, просила:

– Ты пиши нам, Коля! Слышишь, пиши!..

Кивнув в ответ, Николай шагнул к матери:

– Мама, я вернусь. Всё будет хорошо, слышишь... – и обняв ее за плечи, притянул к себе, затем, наклонившись, многократно поцеловал её мокрое от слёз лицо. – Ну, мне пора! Дальше не провожайте, – сказал он на прощанье и, повернувшись, вышел из дома на улицу.

Во дворе он встретился со своими бывшими одноклассниками Генкой Васильевым, Колькой Лазаревым и Лёшкой Мазаевым, и вместе они направились на улицу Коминтерна, на призывной пункт.

В это время в здании пункта уже находилось два десятка призывников, которые по очереди проходили процедуру регистрации, оформление документов, короткую беседу с работниками военкомата, распределявшими призывников с учетом образования, состоя-

ния здоровья, профессий по различным командам. Ребята также встали в очередь, оживленно переговариваясь друг с другом. Через некоторое время дверь одного из кабинетов открылась, и в коридор вышел невысокий капитан. Бегло оглядев стоявших в ожидании молодых ребят, он громко выкрикнул:

– Михайлов!.. Михайлов есть?

Николай невольно вздрогнул, и тут же машинально, по привычке, словно всё ещё находился на уроке в классе, поднял вверх руку, а затем шагнул навстречу капитану и, не скрывая своего удивления, откликнулся:

– Я Михайлов. А что?

Удовлетворенно кивнув, капитан тут же продолжил:

– Пройдите в пятый кабинет, прямо по коридору и направо. Ясно?

– Ясно, – ответил Николай и, оглянувшись в сторону друзей, молча пошел по коридору в указанном направлении. Подойдя к двери, он постучался и, услышав громкое «Войдите!», зашел в кабинет.

За столом у окна сидел, изучая какие-то бумаги, майор НКВД. Оторвавшись от бумаг и окинув Михайлова внимательным, цепким взглядом, майор задал вопрос:

– Михайлов?

– Да, это я.

– Ну а раз так, то расскажите, юноша, когда, где, с кем, а также при каких обстоятельства вы обсуждали или вели какие бы то ни было разговоры о предательстве Ворошилова и Тимошенко. Откуда вы получили такие сведения? – чекист вопросительно смотрел на смутившегося Николая. Затем продолжил: – Ну, так я жду...

В течение десяти последующих минут Коля обо всем без утайки поведал сотруднику НКВД, сказав, что он просто не придавал значения словам беженцев, поскольку уверен, что прославленные маршалы не могут быть предателями. И всё, что он слышал на улице, это полная чушь. Майор пытливо смотрел на стоявшего перед ним призывника. Затем, коротко кивнув, сказал:

– Всё, можете идти на регистрацию. Вы свободны. Впредь думайте, что вы говорите, – и вновь углубился в изучение каких-то документов.

Михайлов вышел из кабинета, глубоко вздохнул и, аккуратно прикрыв за собой дверь, пошел назад по коридору, размышляя над состоявшимся разговором. «Слава богу, видимо, всё обошлось», – с облегчением думал Николай. И тут же с досадой чертыхнулся про себя: «Ну дядя Паша, ну писатель! Вот сволочь...»

Ребята по-прежнему стояли в очереди в другие кабинеты, когда к ним вернулся Николай.

– Ну, чего там? Ты куда ходил-то? – засыпал его вопросами Генка.

– Да, так... Вызывали серьезные люди. Вроде бы обошлось. Видимо, дядя Паша всё же наклепал о беженцах-прибалтах и их разговорах. Больше ведь некому, – пояснил другу свою версию Николай.

– М-да... Ну дела, Колька! Хорошо, что всё так обошлось. А не то пришлось бы тебе ехать на север, в казенном вагоне, – в задумчивости произнес Генка. – Вот и верь после этого людям!..

Вскоре подошла их очередь. Николай, спросив разрешения, первым вошел в кабинет, где проходила регистрация призывников. В просторной комнате за длинным столом сидели четверо военных: подполковник военком, майор артиллерист, капитан и лейтенант в форме НКВД, перед которыми лежали многочисленные папки с документами, медицинскими справками и результатами прохождения медкомиссии призывниками.

– Михайлов? – уточнил один из сидящих за столом офицеров и, получив утвердительный ответ, протянул одну из папок с документами военкому. Какое-то время подполковник молча перелистывал переданные ему для ознакомления документы призывника. Затем отложил папку в сторону, посмотрел на Михайлова и спросил:

– Десятилетку закончил?

– Да, – ответил Николай.

В это время лейтенант НКВД, наклонившись к военкому, что-то тихо шепнул ему. Подполковник, кивнув, коротко заметил:

– На этот счет мне каких-либо указаний не поступало, – и вновь обратившись к призывнику, добавил: – Хорошо. Мы направляем вас в Челябинское авиационное училище штурманов. Поедете учиться. Ясно?

– Ясно! А когда же на фронт? – в свою очередь спросил Николай.

– На фронт, парень, ты всегда успеешь. А без авиации Красной Армии никак нельзя. Научись, тогда и на фронт полетишь. Так что, если вопросов нет, то всё, свободен! Вечером отправитесь с Ряжского вокзала. А пока жди во дворе с остальными. Всё, иди.

– Ясно – ответил Николай и, повернувшись, вышел из кабинета.

– Ну, как? – тут же на ходу с вопросом обрушился на него Генка Васильев.

– В Челябинское авиационное училище на штурмана учиться посылают.

– Понятно, – ответил Генка, хлопнув друга по плечу. – Ну, я пошел. Жди, – сказал он, следом шагнув в кабинет, из которого только что вышел Николай.

Через некоторое время Генка так же вышел из кабинета и, улыбаясь, направился к ожидавшему его Николаю.

– Коль, вместе поедem в Челябинск! Меня туда же определили. Вот здорово – опять вместе. Ну, пошли на улицу что ли? – выпалил весьма довольный таким поворотом дела Генка.

– Пошли, – согласился Николай и направился к выходу.

Выйдя во двор и окинув взглядом находившихся там людей, друзья пошли в сторону знакомых ребят – они раньше учились вместе с ними в одной школе, но в параллельных классах. Как оказалось позже, некоторых из них так же направили в Челябинское училище. Ребята ушли в тень деревьев и, присев на траву, решили немного перекусить. После обеда некоторые из призывников откровенно дремали в тени, ожидая команды, другие, собравшись в кружки, рассказывали занимательные случаи из жизни, и то тут, то там раздавался залиvistый смех молодежи. Николай с Генкой улеглись на траве и, подложив под головы вещмешки, также решили немного вздремнуть, благо до вечера времени еще было достаточно. Однако спустя три часа во дворе раздалась команда: «Выходи строиться!»

Призывников построили в две шеренги. Затем из здания вышел уже знакомый ребятам майор, который зачитал около пятнадцати фамилий призывников, где среди прочих значились и Михайлов с Васильевым. После чего тех, кого назвал майор артиллерист, построили и повели в сторону железнодорожного вокзала.

А на перроне в это время уже стоял под парами эшелон. Призывников распределили по вагонам и открытым платформам с се-

ном. С различных призывных пунктов города подходили еще колонны призывников, которые также грузились в эшелон.

Николаю, Геннадию и еще четверым знакомым им ребятам из соседних школ выпало ехать на открытой платформе с сеном.

– Свежий воздух, красота! Сена ворох для спанья, – тут же пошутил Генка, прыгнув на ближайшую к нему копну.

Вскоре прозвучало два длинных паровозных гудка, и поезд медленно тронулся на восток.

– Ну, прощай, родная Тула, впереди – седой Урал! – крикнул неутомный Генка, махнув кепкой стоявшим на перроне знакомым людям. После чего вновь завалился на сено и, уже лежа, смотрел под монотонно-убаюкивающий стук колес на проплывавшие мимо вдоль железнодорожного полотна дома, перелески и овраги. Путь предстоял неблизкий, да и ехать нужно было почти неделю. И где-то далеко впереди их ждал Урал с индустриальным городом под названием Челябинск.

3

Несколько дней поезд медленно пробирался на восток, а навстречу ему нескончаемой чередой шли и шли воинские эшелоны с людьми и техникой, перебрасываемые в западном направлении к линии фронта с Поволжья и Урала. Эти эшелоны беспрепятственно проходили железнодорожные перегоны, в то время как составы, двигавшиеся в восточном направлении, подолгу стояли на станциях, ожидая своего отправления. Через пять дней пути прибыли в Уфу. К тому времени друзья, ехавшие на открытой платформе, прокоптились и почернели от дыма паровозной трубы. Стоянка в Уфе обещала быть длительной. Прибыв в этот город утром, эшелон обещали отправить лишь ближе к вечеру, поэтому сопровождавшее новобранцев начальство отпустило призывников искупаться в реке Белой, что протекала недалеко от железнодорожного вокзала.

Искупавшись в реке и отмыв, казалось бы, уже навечно въевшуюся копоть, призывники вновь заняли свои места в эшелоне. К вечеру поезд двинулся в направлении пункта назначения. 17 июля эшелон прибыл, наконец, в Челябинск. Раздалась команда: «Выходи строиться!» – и призывники бодро сыпанули из вагонов на пер-

рон. Всем уже чертовски надоело трястись по железной дороге, ощущая на себе, словно моряки в море, ежеминутную болтанку раскачивающихся и громыхающих на стыках вагонов.

Челябинск встретил прибывших пасмурной погодой. Небо заволкло тучами. Ветерок гонял по перрону обрывки бумаги, и казалось, вот-вот с неба начнет накрапывать летний дождик.

Прибывших построили на перроне и строем отвели в расположение училища. В течение следующих трех дней ребята вновь проходили медкомиссию, по результатам которой часть призывников была направлена в танковое училище, расположенное в этом же городе. В танкисты попал и один из одноклассников Михайлова и Васильева – Алексей Мазаев. На этот раз Генке не повезло – друзьями распределили по разным взводам. И начались долгие месяцы кропотливой учебы.

Целыми днями ребята сидели в классах, изучая аэронавигацию и астронавигацию, бомбометание, ориентировку в полёте, топографию и другие предметы, без которых работа штурмана немислима.

Штурман самолета – это разум и мозг экипажа. В его обязанности входит: сбор данных о скорости и направлении ветра, сносе машины, об облаках, воздушных потоках и многом другом. Все эти данные штурман должен проанализировать, сравнить и выдать пилоту в виде трех цифр: курса, высоты и скорости полета. Это всё, что пилоту нужно, чтобы управлять самолетом, идя на задание. В отличие от пилота, штурман с момента взлета и до посадки должен в любое время знать место нахождения самолета, время полета до цели, расход горючего и его запас. Кроме того, с учетом изменений погодных условий (поскольку полеты производятся на дальние расстояния, и сила ветра может увеличиваться или, напротив, ослабевать), штурман должен уметь вносить поправки относительно курса, скорости и высоты, а также просчитать ситуацию и иметь готовое решение на случай ухода самолета на запасной аэродром из любой точки маршрута.

Практически само выполнение задания полностью зависит от мастерства штурмана. Ведь он должен привести самолет к цели в точно определенное время. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Рассчитать высоту и скорость бомбометания, определить точку сброса и вывести бомбардировщик на боевой курс, а потом успешно отбомбиться, несмотря на возможный плотный зенитный огонь

противника. И после многочисленных маневров пилота восстановить ориентировку, определить курс и рассчитать данные на обратный маршрут.

У штурмана практически нет времени любоваться красотами проплывающего под крыльями машины пейзажа. Красоты природы на языке штурмана именуются «элементами полёта». Великолепная долина, вызвавшая бы восторг у любого путешественника, для штурмана – «исходный пункт маршрута». Проплывающее далеко внизу устье реки служит «контрольным ориентиром». Сверкающая молниями свинцовая грозовая туча – «препятствие на пути следования».

Такое вот, довольно тяжелое и сложное, ремесло пришлось осваивать друзьям в период учебы в штурманском лётном училище. Учеба поглощала практически всё время. И каждый день курсанты с тревогой следили за положением дел на фронтах, слушая ежедневные сводки Совинформбюро.

Наступила осень... Враг неумолимо рвался к Москве. Николай и Геннадий встречались довольно редко. Иногда удавалось перебраться парой фраз в столовой, да и то не всегда. Письма из дома приходили редко. Писала сестра Николая под диктовку матери. Фронт всё ближе и ближе подходил к их родной Туле, и от этого на душе становилось беспокойно.

Операция «Тайфун», названная гитлеровским руководством решающим сражением года, началась 30 сентября 1941 года переходом в наступление группы армий «Центр». 3 октября немецкие подвижные соединения взяли Орёл и устремились вдоль шоссе Орёл – Тула. Танковые дивизии врага к 23 октября продвинулись от Мценска до Тулы, но здесь были остановлены.

Николай, Геннадий и другие курсанты-туляки в тот же день решили попроситься на фронт, о чём написали рапорта командованию училища с просьбой направить их в 50-ю армию на защиту родного города. Однако этот патриотический порыв не был поддержан руководством училища. На следующий день заместитель начальника училища по политчасти, собрав курсантов, подавших рапорта об отправке на фронт, заявил: «Ребята, сидите, не дергайтесь! Там и без вас обойдутся, разобьют Гудериана! А ваша задача сейчас – учиться. И радуйтесь еще, что Родина имеет возможность учить вас, несмотря на трудности на фронте. Нам нужны грамот-

ные специалисты, а не просто люди, идущие в бой с винтовкой на врага. Ясно? Всё. Все по местам. Враг будет разбит, я верю!»

Так сказал замполит училища. И действительно – в течение трех последующих дней гитлеровцы яростно атаковали Тулу, но войска 50-й армии и Тульского боевого участка совместно с ополченцами самоотверженно оборонялись. Туляки превратили свой город в неприступную крепость и не сдали его врагу. Впоследствии оборона Тулы обеспечила устойчивость левого крыла Западного фронта на дальних южных подступах к столице. Она также способствовала стабилизации положения на Брянском фронте. Однако несколько позже, после неудачных попыток овладеть Тулой с юга и северо-запада, командование группы армий «Центр» решило повести наступление в северном направлении, в обход города с востока. После неудачи гитлеровцы предприняли отчаянные попытки овладеть Тулой ударом с востока и северо-востока. 3 декабря противнику удалось перерезать железнодорожную и шоссейные дороги севернее Тулы. Одновременно он усилил нажим на город с запада, на стыке 49-й и 50-й армий. Борьба достигла наивысшего накала.

В этот период курсанты из Тулы особенно жадно ловили сообщения Совинформбюро – ведь там, на западе, решалась судьба их родных и близких, судьба родного города, вставшего на пути танков Гудериана.

Для ликвидации прорыва севернее Тулы 50-я армия генерала И.В. Болдина нанесла по противнику контрудар в районе Кострово и Ревякино, где окружила часть сил 4-й немецкой танковой дивизии. Активные действия войск левого крыла Западного фронта в первых числах декабря вынудили 2-ю немецкую танковую армию Гудериана начать отход. Провал операции «Тайфун» становился свершившимся фактом.

Николай, Геннадий, да и другие ребята из Тулы, вздохнули с облегчением лишь тогда, когда по радио передали, что на Тульском направлении войска Западного фронта разгромили гарнизоны противника в населенных пунктах восточнее Серебряных прудов и в ночь на 7 декабря 1941 года освободили эти города, захватив большие трофеи.

Весной начались первые полеты на двухместном Р-5 по ориентированию в полете. Р-5 – разведывательный самолет, созданный в

конце 1928 года под руководством Н. Поликарпова, представлял собой двухместный одностоечный полутораяплан деревянной конструкции, максимальная скорость которого не превышала 233 км/ч, а высота 6250 метров.

Первые полеты по закреплению теоретических навыков аэронавигации и ориентированию в полете, бомбометанию и т.д. стали проводиться начиная с октября 1941 года и усложнялись с каждым месяцем учебы.

Николай, как и другие курсанты училища, впервые поднялся в воздух вместе с летчиком на «Р-5».

В двухместном самолете, сконструированном с учетом опыта, полученного в процессе создания учебного самолета – знаменитого У-2, впоследствии названного по имени своего создателя ПО-2, впереди сидел летчик, а на заднем сидении располагался курсант, осваивающий навыки штурмана. Связь между пилотом и штурманом осуществлялась в полете через трубку, являвшуюся переговорным устройством на этом устаревшем типе учебного самолета.

Ясным октябрьским утром 1941 года Николай впервые поднялся с летчиком в воздух. Полет проходил на высоте 1500 метров в районе Уральских гор. Несмотря на холодный воздух осеннего уральского неба, вряд ли можно передать бурю положительных эмоций, охвативших Николая от ощущения полета и красоты уральской природы.

Николай восторженно смотрел через борт: на казавшиеся седыми, величественные Уральские горы, простиравшиеся в стороне от трассы учебных полетов; на небольшой лесок с густыми хвойными деревьями, проплывавший под крылом мерно гудящего самолета; на мелькнувшее серебристой гладью озеро Чебаркуль; на пыхтящий внизу паровоз, тащивший за собой в клубках дыма и пара тяжелый железнодорожный состав с углем, и многое другое.

В руках Николай держал карту, по которой должен был сверяться и заполнять в полете бортовой журнал, поддерживая при этом связь с летчиком через переговорное устройство. Однако в эти незабываемые минуты полета Николай совсем забыл про ту трубку и очнулся лишь тогда, когда летчик приказал жестами вернуться к реальности и взять в руки переговорное устройство. В это время юноша услышал немного раздраженный голос пилота:

– Ты что это мне уши продуваешь? Не забывай про связь. Докладывай, где мы находимся. Понял, курсант?

– Так точно! Извините, отвлекся, – ответил Николай.

Затем, увидев проплывавшие далеко внизу крыши домов довольно крупного населенного пункта, сверившись по карте, вновь сказал в трубку:

– Пролетаем Баландино, – Николай с удовлетворением заметил, что летчик при этом согласно кивнул головой – мол, «правильно сориентировался курсант по карте». Затем самолет накренился вправо, сменив курс. Задача курсанта в этот момент заключалась в том, чтобы вновь определиться, куда повернули и что находится у них под крылом, какой населенный пункт.

– Подлетаем к Раменскому, – сверившись с курсом и посмотрев по карте, вновь доложил пилоту Михайлов.

– Верно, – ответил пилот и затем дал курсанту очередное задание: – Определите, какой курс должен быть взят в направлении Сосновки.

Николай, взяв карту, стал делать необходимые расчеты по определению оптимального курса в направлении заданного населенного пункта. После чего доложил по переговорному устройству: – Товарищ капитан, курс 220! – и тут же заметил одобрительный кивок летчика. Затем прозвучало:

– Всё, идём на аэродром.

Совершив посадку, летчик, исходя из результатов работы, выставлял каждому курсанту оценку за ориентирование в полете.

– Очень хорошо, Михайлов! Толк будет, – улыбаясь, сказал он стоявшему по стойке «смирно» курсанту.

– Молодец. Свободен, – бросил он вздохнувшему с явным облегчением Николаю.

Так, изо дня в день, месяц за месяцем, проходила кропотливая учеба по подготовке штурманов бомбардировочной авиации. Постепенно росло штурманское мастерство молодых курсантов.

В середине октября 1942 года, когда под Сталинградом возникла угрожающая обстановка, и враг, не считаясь с потерями, рвался к Волге, значительную часть курсантов направили из училища в пехотные полки и соединения в район Сталининграда. Среди прочих курсантов туда же был направлен и близкий друг Михайлова – Генка Васильев. Расставаясь, друзья пообещали поддерживать

письменную связь друг с другом и хотя бы изредка писать письма. Однако уже в конце 1942 года Николай узнал, что его школьный друг Гена Васильев, как и многие другие бывшие курсанты училища, пал смертью храбрых при обороне Сталинграда.

Весть о гибели Геннадия Николай переживал особенно тяжело. Как-то не верилось, что нет больше его закадычного друга Генки, с которым их так много связывало еще по той, ставшей теперь такой далекой, довоенной жизни. Что уже никогда больше он не увидит его смеющегося лица, и Гена уже не сыграет с ним традиционную партию в шахматы.

Война безжалостно лишала жизни миллионы людей на поле брани, кромсая судьбы их родных и близких, и к этой жестокой реальности вряд ли можно было когда-нибудь привыкнуть. Ведь это так противоестественно, когда жизнь вдруг обрывается, едва успев начаться...

В декабре 1943 года, присвоив звание «младший лейтенант», бывших курсантов направили в 44-й отдельный авиационный учебный полк под Оренбургом, где им предстояло отработать слётанность экипажей. В этот же полк прибыли летчики из Новосибирского лётного училища и стрелки с курсов подготовки. Начались полеты на дальнем бомбардировщике Ил-4. Летчики и штурманы начали более пристально присматриваться друг к другу, выбирая себе напарника.

Как-то незаметно для себя Николай подружился с парнем родом из Казахстана, окончившим училище летчиков. После двух совместных учебно-тренировочных полетов тот подошел к Михайлову и, протянув руку, спросил:

– Ну что, будем летать вместе?

– Будем, – ответил Николай, крепко пожимая протянутую ладонь летчика. Затем добавил: – Николай Михайлов, можно просто Коля, родом из Тулы.

Летчик в свою очередь, широко улыбнувшись, также представился:

– Евгений Будон, можно просто Женя, из Алма-Аты. Ну, вот и познакомились.

В течение более чем полугода летчики и штурманы были задействованы в учебно-тренировочных вылетах под Бузулуком. В начале лета 1944 года их экипаж был окончательно сформирован.

В качестве членов экипажа добавились стрелок-радист - неунывающий и беспашапный весельчак Миша Степиков, и стрелок Вася Батанин, напротив, обычно молчаливый и излишне серьезный. К августу 1944 года вновь сформированные экипажи дальних бомбардировщиков были готовы к отправке в боевые авиационные соединения. Вскоре пришел приказ об отправке их в 18-й Гвардейский Краснознаменный Севастопольский полк авиации дальнего действия 18-й воздушной армии под командованием главного маршала авиации А.Е. Голованова.

4

Вначале сентября 1944 года они, наконец, прибыли в свою часть – 18-й Гвардейский Краснознаменный Севастопольский полк авиации дальнего действия 18-й воздушной армии.

Начало осени под Киевом выдалось жарким. Солнце полетному сияло в высокой синеве бездонного неба, опалая своим дыханием степные просторы Украины. И в этом жарком мареве в воздухе витал благоухающий запах нагретого разнотравья. Вот уже более двух недель небо над Киевом и его окрестностями оставалось безоблачно-ультрамариновым. Лишь по ночам, когда светило исчезало в полосе багрового заката, земля постепенно остывала, впитывая вечернюю прохладу, навевая легким ветерком. Осень словно не спешила вступать в свои права и, казалось, что лето будет вечным.

В первой половине дня 4 сентября в село Васильково под Киевом, где располагался лётный состав гвардейского полка, в клубах пыли по проселочной дороге резво подкатили три полторки с сидящими в них вновь прибывшими экипажами. Выпрыгнув из кузовов автомашины и подхватив вещмешки и чемоданы, новенькие под командованием капитана строем направились к дому, в котором располагался штаб авиационного полка. Подойдя к нему, группа вновь прибывших остановилась и по команде старшего: «Вольно, разойдись! Можно покурить» – расположилась возле штаба в тени деревьев.

Через некоторое время на крыльце появился высокий майор средних лет. Тут же прозвучала команда: «Становись! Равняйся! Смирно!» Капитан, сопровождавший прибывшие в полк экипажи,

доложил старшему офицеру о количестве прибывшего пополнения. Майор удовлетворенно кивнул в ответ и, повернувшись к строю, представился:

– Гвардии майор Леонидов, начальник штаба полка.

Затем пояснил вновь прибывшим, что отныне они также являются гвардейцами, и он надеется, что все прибывшие экипажи будут достойны этого звания. После чего разъяснил, где располагается лётный и технический состав авиаполка.

В течение первых трех дней было приказано штурманам ознакомиться с картой полетов. Затем экипажи должны будут познакомиться со своими техниками-механиками на аэродроме и сделать первый ознакомительный вылет в районе дислокации полка. С этой целью штурманам вновь прибывших экипажей были выданы карты с окрестностями аэродрома вплоть до линии фронта. Радисты получили указания относительно порядка связи со штабом и позывных, закрепленных в день ознакомительного вылета за каждым экипажем.

И вот наступил этот день. Аэродром находился в десяти километрах от села Васильково. Рядом с аэродромом в землянках располагался практически весь технический состав полка.

Прибыв на аэродром, летчики вместе со своими экипажами двинулись в сторону стоящих на кромке лётного поля двухмоторных бомбардировщиков ИЛ-4 (ДБ-ЗФ).

На поле их встретил инженер авиаполка подполковник Трубников, который предложил экипажам пока подождать своих механиков, закрепленных за их самолетами, многие из которых еще продолжали готовить крылатые машины к первому ознакомительному полету.

Спустя полчаса к стоявшим небольшой группой экипажам стали подходить техники-механики, которые сразу же после короткого знакомства уводили свои вновь обретенные экипажи к закрепленным за ними готовыми к полету машинам.

Женька с Василием уже выкурили по две сигареты, а Николай с Мишкой слушали забавную историю о первом полете в училище, которую рассказывал один из вновь прибывших летчиков, когда к группе экипажей подошел коренастый и уже немолодой техник в комбинезоне и, окинув внимательным взглядом новичков и усмехнувшись в усы, спросил:

– Кто здесь лейтенант Будон?

Василий тронул Евгения за рукав и сказал:

– Это к нам, командир.

Летчик обернулся и, взглянув на мужчину в промасленном комбинезоне, ответил:

– Ну, я лейтенант Будон.

Ничуть не смутившись, лейтенант представился:

– Я ваш техник-механик. Старший лейтенант Новиков Иван Семенович. Машина заправлена и готова к первому полету. Прошу экипаж следовать за мной, – и, повернувшись, пошел к стоящим неподалеку самолетам.

К этому времени два экипажа из вновь прибывших уже выруливали на взлётную полосу, чтобы сделать несколько кругов над аэродромом и изучить с воздуха прилегающие к нему окрестности.

Пока шли к самолету, командир экипажа Евгений Будон обратился к механику:

– Иван Семенович, вы давно на фронте?

– С июля сорок второго, – ответил Новиков.

– Ну и как, тяжело? – тут же включился в разговор стрелок-радист Степиков.

– На войне, сынок, легко не бывает, – со вздохом ответил уже не молодой старший лейтенант, окинув отеческим взглядом шагающую за ним молодежь.

– В дальней авиации полеты не часты, поскольку, сами уже знаете, расстояния большие и лётные условия над целью порой неизвестно какие. Поэтому – готовишь машину к полету, ждешь команды... Потом отправляешь в ночь экипаж, опять ждешь. Ждешь, когда выйдут на связь. Ждешь, когда закончится ночь... Ждешь и надеешься, что к утру прилетят... Ждать и надеяться, что вернетесь. Это очень нелегкое занятие. А вы еще так молоды, – вздохнул, покачав головой, Новиков.

– Иван Семенович! А вы не переживайте. Мы не собираемся вообще-то умирать. Да и жениться еще надо. У вас тут в округе девушки хорошие есть? – затараторил неунывающий Мишка, забегая вперед и вопросительно глядя в глаза механику.

– Уймись, балабол! – бросил с улыбкой товарищу штурман Михайлов. – У тебя одни лишь девушки на уме. Позывной-то у нас ка-

кой? А то, может, уже и забыл со своими хлопотами относительно женского пола? – съязвил штурман.

– Ну, вот еще, Георгич! Я ведь молодой, и амнезия мне пока еще не грозит. А позывной нам дали «Тюльпан-4», – ответил Мишка и, хитро посмотрев на идущего рядом с Новиковым командира, добавил: – «Тюльпан» должно быть оттого, что вон, у нашего командира фамилия почти что Бутон. Да и отзыв у штаба подходящий для такого случая предусмотрен – аккуратно вызывать будем «Клумбу».

– Но, но! – пригрозил Николай. – Ты прямо совсем распоясался, Михаил. То в эфире трещишь как сорока, за что и получал замечания в учебном полку. Да и на земле у тебя иногда впору прям словесный понос начинается, несешь ахинею, не видя берегов, право слово.

– Вот полюбуйтесь на него, Семеныч! «Мишка-сорока» – стрелок-радист. Да и треск от его болтовни такой, что больше, чем от хвостового пулемета. Одно слово – балабол! – выдал характеристику Степикову штурман.

– Ну, что парень он веселый, я и так уже вижу. С таким в полете не будет скучно, – соглашаясь, кивнул механик.

– Ага! Успеваешь заболтать всех в эфире и вне его, – включился в разговор командир экипажа.

– Ну, вот и наш красавец! – воскликнул старший лейтенант, остановившись возле стоящего третьим в ряду бомбардировщика с номером «71» на хвостовом оперении.

– А это... слышишь, командир, – опять не унимался Мишка, – кажись, счастливая у нас птичка.

– Это почему же? – удивленно глянув на стрелка-радиста, спросил Евгений.

– Дак... семерка в номере – на счастье, – ответил, смеясь, Степиков и оглянулся, подмигнув остальным членам экипажа.

– Ага, семьдесят один, точно. А единица, по Мишкиной логике, означает, что «семерка», то есть счастье, у нас всегда на первом месте. Так что ли, гадалщик? – улыбаясь, съязвил Михайлов.

– Думаю, что Мишка прав. Счастливым номер, – промолвил обычно молчаливый Василий. На что командир только хмыкнул и, подойдя к самолету и похлопав рукой по темно-зеленому боку фюзеляжа с красной звездой, сказал:

– Ну, здравствуй, наша дубина! Будем тобой бить фашистов, и всё прямо по голове. По голове, гадов! – после чего скомандовал: – Экипаж, по местам! Приготовиться к вылету, проверить связь.

Он взобрался с левой стороны на крыло и, сдвинув фонарь, залез в кабину самолета. Следом за командиром внутрь самолета забрались и оба стрелка, предварительно пристегнув парашюты.

В это время механик подставил стремянку, по которой Николай взобрался в свой штурманский, покрытый плексом, носовой отсек. Сев в кресло, молча оглядел свое жизненное пространство в самолете. Посмотрев чуть назад вправо, он увидел двигатель с мощными лопастями замерших в готовности винтов. Подключив шлемофон, сказал:

– Нормально, командир! Птичка наша что надо, хоть и не новая. Полный порядок. А как у вас?

– Да тоже ничего, Коля, в норме, – ответил летчик. – Эй, стрелки, а что у вас? – Тут же обратился он к остальным членам экипажа.

– Да уже освоились, командир, – пробубнил Мишка-радиот. – Рация ничего, в порядке. Всё работает.

– Пулемет заряжен. Все вроде как надо, – раздался в шлемофонах голос немногословного Васи.

– Ну, вот и ладненько, ребяташки! – сказал летчик, после чего махнул механику рукой, показав, что будет запускать двигатель и готовиться к взлету.

Через некоторое время оба двигателя набрали необходимые обороты. Командир поднял палец вверх, показывая механику, что готов тронуться на взлет, и начал вырывать.

После чего запросил штаб:

– «Клумба», «Клумба»! Я – «Тюльпан-4». Разрешите взлет.

– «Тюльпан-4», взлет разрешаю.

Кивнув в ответ, летчик отпустил тормоза, и, нажав на газ, начал разгон по полосе. Мимо замелькали стоящие в стороне с работающими двигателями, крылатые машины, их эскадрилий. Самолет, медленно оторвавшись от земли, пошел на взлет. Внизу мелькнула, казавшаяся на земле такой далекой, кромка зеленого бора, и самолет, слегка накренившись на правое крыло, ушел с разворотом и набором высоты вправо. Далеко внизу замелькали кажущиеся игрушечными с высоты домики села Васильково, его

сады и огороды. Самолет поднялся до двух тысяч метров, когда Николай услышал голос командира в шлемофоне:

- Коля, курс 185. Десять минут, затем пойдем по кругу.
- Понял, Женя, понял. Работаем с ориентирами.

Через час они приземлились на своем аэродроме. Ознакомительный полет прошел успешно. Каких-либо замечаний по техническому состоянию машины у экипажа не было.

5

Спустя десять дней после прибытия в полк всех вновь прибывших штурманов попросили зайти после обеда к штурману полка Герою Советского Союза гвардии майору Алексееву. Собрав новичков, майор объявил, что уже сегодня ночью каждому из них предстоит так называемый «вывозной полет» в составе других опытных экипажей в районе Будапешта. Обращаясь к новичкам, он сказал:

– Полку поставлена задача нанести сегодня ночью бомбовый удар по промышленным объектам противника, выпускающим боеприпасы, и складским помещениям, расположенным на окраине венгерской столицы. В качестве запасной цели определен железнодорожный узел Мишкольца, что находится восточнее Будапешта. Поскольку в районе Карпат идут грозные дожди, всякое может быть... – Затем, оглядев собравшихся, вновь продолжил: – Это ваш первый боевой и последний учебный вылет, в котором на практике вы должны будете применить полученные за месяцы учебы в училище и учебном полку знания. Если что не понятно, уточняйте у штурмана экипажа в процессе полета. Следующий для вас вылет уже будет самостоятельным, в составе своего экипажа. Все ясно? – спросил у собравшихся штурман полка.

– Ясно, товарищ гвардии майор, – ответили ему собравшиеся.

– Ну, раз ясно, то прослушайте информацию, кто с кем сегодня вылетает, и получите у меня карты полетов, – продолжил Алексеев, после чего огласил приказ командира полка.

Исходя из содержания приказа, Михайлову предстоял вылет в составе экипажа старшего лейтенанта Виктора Будаева, штурманом у которого был лейтенант Василий Дорофеев – сибиряк, откуда-то из-под Красноярска, имевший уже к тому времени более 30 боевых вылетов. Николай чуть ранее познакомился с ним – слу-

чайно, как-то вечером выбежав искупаться в небольшой речушке на краю села.

Получив карту полетов, Николай вместе с остальными своими товарищами по училищу вновь присел за стол, ожидая дальнейших распоряжений.

– Ну, все получили карты полетов? – еще раз уточнил у новичков майор Алексеев, обводя взглядом собравшихся, после чего продолжил: – А теперь раскройте свои карты, проложим курс, – и, разложив на столе вместе со всеми свой экземпляр, в окружении молодежи проложил маршрут, сделал расчеты, наметил курс захода на цель и занес данные в свой бортовой журнал. Глядя на него, эти действия выполнила вся штурманская группа новичков.

Проверив у каждого выполнение этой операции и удовлетворительно кивнув, штурман полка продолжил:

– Вижу, что все справились с этой работой. Начало неплохое. Итак, прошу через час всех прибыть на инструктаж в штаб. В 17.00 – общее построение. А теперь все свободны до вечера. Это всё. По местам!

В назначенное время экипажи, которым предстоял ночной вылет, выстроились перед штабом полка. Прозвучала команда:

– Становись. Равняйся. Смирно! – скомандовал начальник штаба майор Леонидов и, повернувшись к подошедшему с группой офицеров подполковнику Вавилову, доложил:

– Товарищ гвардии подполковник, экипажи для проведения инструктажа построены.

– Вольно! – подал команду командир полка и затем, обращаясь к выстроившемуся личному составу, продолжил: – Построение будет недолгим. Разведка еще раз подтвердила данные об объектах, расположенных на окраине Будапешта. Ваша задача – нанести бомбовый удар по намеченным целям. В районе цели прикрытие не будет. Работаем как обычно, по индивидуальному графику. Запасная цель – железнодорожная станция Мишкольца. Имейте в виду, что подходы к обеим целям напичканы зенитками. Кроме того, прошу учесть, что в этот полет с вами пойдут вновь прибывшие штурманы-новички. У меня всё, – сказал Вавилов, после чего, повернувшись к стоящему рядом с ним начальнику связи и метеорологу, произнес: – Продолжайте.

– Позывные и каналы связи прежние, – сказал начальник связи и кивнул метеорологу. Метеоролог – худощавый лейтенант Иосиф Вихман, – поправив на носу сползавшие очки, добавил свою информацию:

– Облачность над целью 5-7 баллов. Сила ветра 10-12. Видимость до трех. В районе Ужгорода густая облачность, возможна гроза, – и посмотрел на стоящего неподалеку начальника штаба Леонидова. Начальник штаба был опытным летчиком, не раз выходящим из различных передраг, и обладал богатым боевым опытом, кроме того пользовался всеобщим уважением в полку и всегда мог дать дельный совет.

Майор Леонидов вышел на середину перед строем и, оглядев экипаж, и произнес, больше обращаясь к пилотам:

– Объекты плотно прикрыты зенитной артиллерией противника. Соответственно и огонь будет достаточно плотным. Не бойтесь разрывов зенитных снарядов, как бы ни было там жарко. Уж коли ты видишь дымное облачко – значит жив. Значит, снаряд свое уже отработал. Что надо делать дальше? – сделав паузу, он обвел взглядом стоявшие в строю экипажи, а затем продолжил: – Некоторые летчики рекомендуют подвернуть самолет к разрыву. Потому что, по теории вероятности, которую вы изучали, второй снаряд в это же самое место не попадет. Вроде бы все правильно, – подытожил тему начальник штаба, а затем, усмехнувшись, добавил: – Но лично я делал и делаю иначе. Отворачиваю от разрывов снаряда. А почему? Да потому, что маневр моего самолета быстротечен. И вражеские зенитчики не успевают внести поправки в изменение траектории его движения. В результате все взрывы остаются в стороне. В этом, друзья мои, и заключается противозенитный маневр, как я его понимаю. Вопросы есть? – обратился он к экипажам. – Нет? – и, посмотрев на кивнувшего ему командира полка, произнес: – Полк, разойдись!

Вечером, после ужина экипажи начинали готовиться к полетам. Николай разыскал лейтенанта Василия Дорофеева, штурмана экипажа с которым ему предстоял первый боевой вылет, и доложил, что определен в их экипаж. Выслушав Михайлова, Дорофеев кивнул головой и сказал:

– Через час выезжаем на аэродром. Вылет в ноль тридцать. Карту получил?

– Получил, – ответил Михайлов.

– Ну, вот и добре. Готовься к полету, и без опозданий. Полуторки отходят в десять от штаба.

– Ясно, – сказал Николай и, повернувшись, пошел в сторону расположения своего пока еще не летавшего на боевые задания экипажа, готовиться к предстоящему вылету.

В это время на земле начали сгущаться сумерки. Дневной свет медленно угасал, и небо с каждой минутой становилось всё темнее и темнее, в его величественной глубине то там, то здесь загорались яркие звездочки, которые становились все больше и больше. Ночь вступала в свои права, вытесняя последние остатки уходящего дня. А вместе с тем близилось и время вылета. Но вот подошла и очередь экипажа старшего лейтенанта Виктора Будаева, с которым летел молодой штурман-новичок Николай Михайлов. Тяжело груженная машина с номером «69» на хвостовом оперении начала вырливать на взлётную полосу. Николай сидел с Дорофеевым в открытой плексом штурманской кабине.

– Рубин, Рубин, я Янтарь-6. Разрешите взлет, – запросил КП командир экипажа старший лейтенант Будаев.

– Янтарь-6, я Рубин, взлет разрешаю, – поступила команда-разрешение.

Взревели оба двигателя, всё больше и больше набирая обороты. Затем самолет энергично тронулся с места и, ускоряя бег, покатился вперед. Потом столь же решительно оторвался от земли и, уходя в ночное небо, стал уверенно набирать высоту.

Вылет к Будапешту той сентябрьской ночью был совсем не простым ввиду не особо благоприятных погодных условий. Над Карпатами небо зашторили многослойные облака. А чуть дальше, уже над Чопом, бушевала гроза. Бомбардировщик летел более часа между облаками. Вокруг была непроглядная тьма, лишь изредка с разных сторон металась в темноте ослепительные вспышки молний. Через некоторое время Николай почувствовал, как усиливающиеся вертикальные потоки то кидали Ил вниз, и он произвольно как бы проваливался в черноту сентябрьской ночи, то с невероятной силой подбрасывали вверх. Моторы бомбардировщика работали уже на полную мощность. Через некоторое время оба штурмана услышали встревоженный голос командира экипажа:

– Трудно осилить нам этот грозовой барьер. Двигатели работают уже на пределе, – вздохнув, сказал летчик, обращаясь к сидевшим впереди внизу штурманам Дорофееву и Михайлову. И спустя пару минут продолжил: – Вася, слышишь? Может, пойдем вниз, там спокойнее... Ты как?

– Согласен, командир, – ответил Дорофеев, взглянув на Николая.

Пилот тут же отдал штурвал и повел машину на снижение. Из облаков самолет вынырнул на высоте тысяча метров. Броски прекратились, осталась лишь тряска – признак сильного ветра. Оба штурмана машинально посмотрели вниз. Вокруг не было ни одного огонька. Самолет в это время пролетал над большим лесным массивом.

– Вася, глянь, что там у нас на карте? – спросил Дорофеева Виктор. В это время далеко внизу чуть вправо замелькала россыпь огней населенного пункта, причем довольно крупного. Василий и Николай высчитывали курс, склонившись над картами. Затем Михайлов, повернувшись к старшему своему товарищу и коллеге, сказал:

– Судя по всему, там внизу городок Токай. Вон и река Тисса показалась, взгляни, – Дорофеев посмотрел вниз и, чуть помедлив, кивнул, соглашаясь с доводами Михайлова.

– Да, ты прав. Это Токай. Осталось полчаса лету до цели, – сказал он Николаю, затем обратился к пилоту: – Командир, правее десять.

– Понял, – ответил Виктор Будаев, поворачивая штурвал.

– Через двадцать минут будем над целью, – вновь сориентировал пилота штурман.

Летчик вновь потянул на себя штурвал, медленно набирая высоту.

К тому времени грозовой фронт был ими уже окончательно пройден, и на высоте 1500 метров оставалась лишь небольшая облачность. Томительно тянулись оставшиеся до подхода к цели минуты. И вот долгожданное:

– Разворот влево, командир!

Самолет вышел на опорный ориентир в пригороде Будапешта. Внизу раскинулся усыпанный морем огней город. И вот – исходный рубеж.

Летчик доворачивает машину на боевой курс и вновь слышит голос своего штурмана Дорофеева:

– Виктор! Влево пять! Еще три! Так держать! На боевом! – командовал штурман.

И в это время молчаливый до сих пор промышленный объект вдруг ошетинился огнем. В небо метнулись двумя мощными столбами света лучи прожекторов противника, выскивая в черноте бездонного неба гудящий в вышине советский бомбардировщик.

Зенитные снаряды, посланные с земли захлопали в воздухе, нашиповывая его хлопьями разрывов. Снаряды скорострельных пушек огненными разноцветными шнурами пролетали то над самолетом, то выше его. Однако штурман не обращал на огненный фейерверк никакого внимания, сосредоточившись лишь на приборе прицеливания, выслеживая через призму прицела необходимую цель. Когда перекрестье прицела легло точно на цель, Дорофеев нажал кнопку бомбосбрасывателя, пробурчав:

– Пошли вниз, голубушки. Получайте гостинцы!

Николай смотрел вниз на летящие к земле бомбы. Затем внизу рвануло так, что крылатую машину подбросило вверх: бомбы угодили напрямиком в склад боеприпасов на территории военного завода.

– Угол прицеливания точный! Вася, прямо в яблочко! – с восхищением сказал Николай, глядя на старшего товарища. – Задание выполнено.

Кабину бомбардировщика залило ослепительным светом, и вокруг стало рваться еще больше зенитных снарядов. Лучи прожекторов неуклонно подбирались к летящей в темноте машине. Медлить было нельзя. В любой момент прожекторы могут нащупать одинокий самолет, и тогда уйти от них будет трудно. Нужно было уходить как можно скорее. Будаев отчаянно крутил противозенитные маневры, двигаясь уже на восток, в направлении линии фронта.

– Командир, на возврат курс восемьдесят, – крикнул пилоту Дорофеев.

– Понял, понял, Вася, курс восемьдесят, – подтвердил летчик, и самолет стал забираться все выше и выше, уходя теперь уже в практически сплошную спасительную облачность.

Спустя три часа, благополучно миновав линию фронта, самолет ближе к утру приземлился на своем аэродроме. Так прошел первый и последний вывозной полет для штурмана Михайлова.

6

Первый самостоятельный вылет экипажа лейтенанта Будона состоялся буквально через шесть дней после «вывозного полета» штурмана Михайлова на бомбардировку объектов в районе Будапешта. На сей раз необходимо было нанести удар восточнее Будапешта по железнодорожному узлу крупного венгерского города Дебрецен. По данным авиаразведки, там скопилось изрядное количество воинских эшелонов противника. Вылет предстоял в ночь на 20 сентября 1944 года. В качестве запасной цели командование определило нанесение удара по мосту через реку Самеш в районе румынского города Сату-Маре за Карпатами.

После получения инструктажа в доме, где располагался штаб полка, экипаж вышел наружу.

– Ну вот, парни, и наш первый вылет. Как настроение, экипаж? – спросил Евгений своих товарищей.

– А что, командир, настроение боевое! Пора и нам фрицам гостинцы отвезти. Да и погода подходящая. Как думаешь, Георгич? – тут же затараторил Миша Степиков, обращаясь к Михайлову.

– Ага... Ветер северный, двадцать метров. Если к ночи не утихнет, снос будет большим и придется экономить горючее, – машинально ответил Николай.

– Ну, ничего! Нам только Карпаты перескочить, а там уже и цель недалеко. Ухнем бомбы в аккурат, развернемся и назад. Во! Даже стихами заговорил, – тут же нашелся что сказать Михаил.

– Да, Мишка, ты за словом в карман не полезешь, – включился в разговор Вася Батанин, когда экипаж направился в свое расположение готовиться к ночному вылету. – И чего веселишься? Будто на прогулку летишь, а не к немцам в тыл, – проворчал он серьезно.

– Не дрейфь, Вася! У нас на этот случай поводьрь имеется, – веселился Мишка.

– Какой поводьрь? Чего опять-то мелешь, помело болтливое, – покачав головой, с укоризной заметил товарищу Василий.

– Темный ты человек, Василий Степанович. Забыл что ли, что Георгич наш уже был в той стороне и даже дальше забирался, бомбя венгерскую столицу с экипажем Будаева. Так что дорогу спрашивать не придется, – ответил, смеясь, Степиков.

– Вот болтун. Как был болтуном, пустобрехом, так им и остался, – подытожил, махнув на Мишку рукой, Вася Батанин.

Пилот и штурман, усмехаясь, лишь покачали головами, не вмешиваясь в беззлобную перепалку воздушных стрелков. Интуитивно чувствовали, что это, видимо, всё же нервы. Первый самостоятельный полет. Новые ощущения и чувство тревожности невольно сказывалось на настроении экипажа.

В половине второго ночи самолет с экипажем Евгения Будона, оторвавшись от взлётной полосы, взял курс на юго-запад в сторону Карпат. Потянув штурвал на себя, Евгений начал набирать высоту в 4000 метров, направляясь в сторону линии фронта.

Спустя некоторое время, Будон услышал голос штурмана:

– Женья, через 25 минут – линия фронта.

– Понял, – откликнулся пилот, затем окликнул стрелков: – Василий, Михаил, следите за обстановкой в задней сфере. Не расслабляйтесь.

– Да, поняли, командир, поняли, – откликнулся Мишка и тут же продолжил: – Обстановка не меняется. А заднюю сферу я всё время, как взлетели, держу в прицеле. И если кто вздумает безобразничать, незваный, негаданный, то я...

– Стрелок, прекратить болтовню, – резко оборвал Степикова летчик.

– Миша, не отвлекайся, – поддержал командира Михайлов.

– Уже молчу... в ночи лечу, – обиженным тоном ответил Степиков.

Линию фронта миновали без приключений.

– Командир, курс 220, – уточнил штурман.

– Понял, Коля, 220, – ответил пилот, тронув штурвал, и делая разворот влево, пока цифра «220» на картушке компаса подошла к указателю. Затем выровнял самолет, и когда две светлые черточки совместились в одну, пилот скомпенсировал инерцию едва ощутимым движением руля поворота.

– Взял двести двадцать.

Взгляд пилота пробежал по приборам, не задерживаясь ни на одном. Температура масла, расход горючего, высота, скорость, обороты винтов... Всё в норме.

Через час, взяв поправку на ветер и сверив еще раз их местонахождение, Николай вновь обратился к пилоту:

– Женья, правее десять. Нас малость снесло. До цели полчаса.

Самолет слегка накренился вправо, ложась на заданный курс, и начал набор высоты. В кабине стало холодно. Здесь, на высоте пять тысяч метров, термометр показывал минус десять. И близкие звезды, и чернота глубокого неба, и машина, и люди в ней – всё застыло в какой-то холодной неподвижности. Даже гул моторов, казалось, только потому и не отстает от них, что также примерз к обшивке самолета.

– Коля, как курс? – спросил штурмана лейтенант Будон.

– Курс в норме, командир, так держать, – ответил Михайлов.

– Эй, Миша! – окликнул стрелка пилот.

– Я слушаю, командир.

– Не злись.

– Не буду, командир, – ответил повеселевшим голосом Степиков, затем тут же спросил: – Долго еще нам? Я совсем уже окоченел. Почти превратился в сосульку.

– Терпи, Мишка, недолго осталось. Двадцать минут тридцать секунд, – включился в разговор Михайлов.

– Вася, ты как там? – в свою очередь поинтересовался штурман о втором стрелке.

– А чего мне... Нормально, Георгич. Скорей бы уже, – ответил Батанин.

– Командир, режим! – обратился штурман к пилоту, вновь забеспокоившись о силе ветра.

Евгений уже знал, что Николай хороший штурман, и не только по его характеристикам из училища и совместным тренировочным полетам в учебном полку. Николай с недоверием относится к гуде метеосводок, которыми его снабжают перед полетом. Едва поднявшись в воздух, он хочет сам узнать скорость ветра, его направление, снос машины. И, как правило, его данные несколько отличаются от тех, которые он получает на земле. Да это, в принципе, и понятно, к тому же вполне объяснимо, ведь земля всегда отстает от событий,

происходящих в воздухе. А сейчас, перед бомбометанием, ветер пилотажнику особенно нужен.

Пару минут, пока Николай, припав к окуляру визира, ловит одному ему видимые ориентиры, кажется, что самолет замер в воздухе. Ни одна стрелка приборов не двигается с места. Кажется, что бомбардировщик невольно замер в воздухе, прикрепившись к черному звездному небу.

– Промер окончен, – сообщил пилотажник.

– Хороший ветерок у нас, Женя. Повторять не придется. – После чего добавил: – Женя, до цели осталось пятнадцать минут. Давай зайдем с запада.

– Слышу, Коля! Миша, Вася, внимательней следите за обстановкой. Мы почти у цели.

– Поняли, командир, – откликнулся за обоих стрелков Василий.

– Женя, курс 280, обходим Дебрецен с северо-запада, – сказал Будону Николай, глядя, как левее внизу проплывает россыпь огней большого города.

Заложив вираж влево и пройдя по дуге, бомбардировщик стал заходить на цель с западной стороны. Пилотажник вновь подал команду, рассматривая через призму прицела огни Дебрецена и выискивая железнодорожную станцию:

– Женя, правее семь... еще два. Хорошо. Так держать. Вот она, станция...

– Ха, командир, а они купились на этот финт, заход с запада, – раздался в наушниках голос Мишки.

– Женя, на боевом! – наконец раздалась долгожданная команда пилотажника. Самолет словно замер, летя строго по прямой над застывшими далеко внизу железнодорожными эшелонами.

Николай нажал на кнопку бомбосбрасывателя, разом сбросив вниз их смертоносный груз. Самолет, слегка вздрогнув, чуть подпрыгнул вверх и увеличил скорость.

Железнодорожная станция осветилась яркими вспышками взрывов авиабомб, разметавших в разные стороны вагоны, калеча стоявшие под парами локомотивы. Внизу запольхало огненное море и, словно только теперь очнувшись от удара, взметнулись вверх лучи прожекторов, завывли сирены и в воздухе захлопали пока еще где-то внизу разрывы зенитных снарядов.

– Дело сделано. Уходим, Женя, курс 70.

– Понял, Коля, подтверждаю курс 70, – ответил Михайлову летчик. И самолет, увеличив скорость, рванул в черной вышине сентябрьской ночи, взяв направление на северо-восток. Задание выполнено. Первый самостоятельный боевой вылет прошел удачно, чего нельзя было сказать обо всех остальных экипажах новичков.

В течение первых десяти дней полетов с задания не вернулись два экипажа новичков. Какой стала участь не вернувшихся с задания боевых товарищей, никто не знал. Связь с ними прервалась в районах выхода экипажей на цели.

«Пропал без вести, не вернувшись с задания. Дальнейшая судьба не известна...» – такова порой печальная судьба экипажей самолетов авиации дальнего действия, выполняющих задания обычно в одиночку. Оставалось лишь надеяться и верить, что когда-нибудь они всё же вернуться.

7

Боевые вылеты забыть невозможно. Каждый из них, сколько бы их ни было, мог оказаться последним. Во многих из них героически сражались и гибли боевые товарищи по крылатому строю. Многим из экипажей дальних бомбардировщиков 18-го гвардейского авиаполка не довелось дожить до светлого дня разгрома фашистской Германии. Но многие из тех, кто закончил войну с победой, всегда будут благодарны своему комэску, уроженцу Запорожья, майору Григорию Романовичу Колбасе. За то, что он делил с ними все тяготы службы, что был всегда впереди, в тяжелых условиях находил возможность учить подчиненных нелегкой науке побеждать и возвращаться на свой аэродром. Делился своим богатым боевым опытом вплоть до самого своего последнего дня.

Несмотря на то, что Григорий Романович, будучи командиром эскадрильи, всегда был загружен, тем не менее, несмотря на фронттовую обстановку, он при каждой возможности развешивал схемы, графики и проводил занятия по всем правилам. Был он строг и придирчив, поскольку дело касалось профессиональных знаний, тем не менее, подробно разъяснял, как поступать в той или иной ситуации, исходя из своего двухлетнего боевого опыта. При этом он не раз повторял, что залогом успеха при выполнении боевого задания всегда были и остаются слаженные действия всего экипажа

дальнего бомбардировщика. А летчик и штурман должны иметь стальные нервы и не терять присутствия духа в момент нанесения бомбового удара по заданному объекту, чтобы не обращать внимания на огонь зениток и продолжать вести самолет, оставаясь на боевом курсе.

Об одном из ночных боевых вылетов в мае 1944 года, в котором был сбит их командир эскадрильи, Николай узнал по прибытии в полк от старших товарищей, летавших уже не один месяц.

Экипаж майора Колбасы в ночь на 12 мая получил задание от командования нанести бомбовый удар по скоплению вражеских эшелонов на одной из узловых станций в районе города Бобруйска. Ночь как назло выдалась лунной. Самолет комэска удачно миновал на большой высоте линию фронта, взяв курс на Бобруйск. Через полчаса где-то далеко внизу в темноте под крылом Ил-4 уже проплывали леса и болота оккупированной врагом Белоруссии. Штурман экипажа лейтенант Серов точно вывел бомбардировщик на цель.

Вражеские зенитки встретили Ил шквальным огнем. Снаряды рвались точно по курсу, и винты двухмоторного дальнего бомбардировщика порою буквально рубили дымные шарики разрывов зенитных снарядов. Однако плотный огонь зениток не помог врагу, прикрывавшему скопившиеся на станции эшелоны. Оказавшись на боевом курсе, Серов нажал на кнопку сброса. Высыпавшись из бомболока, смертоносные капли авиабомб с воем устремились вниз, в направлении длинных цепочек железнодорожных составов, груженых вражеской техникой, там было немало и цистерн с горючим. И вот уже далеко внизу полыхнуло огнем. Одна за другой стали рваться цистерны, и огонь тут же перекидывался на соседние эшелоны.

Нанесенный экипажем бомбовый удар принес желаемый результат. Задание было выполнено, и теперь нужно было как можно быстрее уходить на восток в сторону линии фронта. В этот момент зенитный огонь значительно усилился. Немцы в бессильной злобе с остервенением били из всех орудий по одиночному самолету, натворившему на станции столько бед и уничтожившему значительную часть эшелонов. Самолет комэска, сделав необходимый разворот, тем не менее буквально нырнул в сполохи зенитных разрывов, оказавшихся на пути бомбардировщика. И тут же майор

Колбаса почувствовал удар в машину. Самолет стал опускаться нос. Попытка комэска вывести машину штурвалом в горизонтальное положение не дала результата, бомбардировщик резко начал терять высоту.

«Что случилось? Что делать», – словно в калейдоскопе крутились мысли в голове Колбасы.

Он взял триммер на себя. Самолет начал было выравниваться. Конечно, что-то случилось с рулями высоты. Катастрофа, казалось, была неминуема: приборы показывали, что высота всего лишь 1500 метров.

Надо попробовать как можно дальше увести уже плохо слушавшую рулей, искалеченную машину на восток, в сторону линии фронта, решил комэск. Несмотря на старания пилота, самолет всё же понемногу снижался, но упорно продолжал лететь по заданному курсу. Спустя некоторое время штурман экипажа Константин Серов доложил, что до линии фронта осталось не более 60 километров. На душе командира экипажа было тревожно.

Едва в мыслях пронеслась фронтовая заповедь об осторожности и предельной внимательности при подходе к линии фронта, как Григорий Колбаса услышал доклад стрелка-радиста Володи Безрукова:

– Командир, в воздухе «мессершмитты». Два «сто девярых» идут прямо на нас.

Не успел комэск подать команду, как воздушные стрелки уже открыли огонь по стремительно приближавшимся черным силуэтам вражеских истребителей. С той и другой стороны ночное небо распороли пулеметные очереди.

После чего бомбардировщик вдруг содрогнулся, и тяжелая машина забилась, словно в лихорадке. И вновь сзади будто молнией хлестанула огневая струя и буквально отсекла хвостовое оперение. В то же мгновение Ил-4 повернуло вниз кабинами, и краснозвездная машина стала стремительно падать.

– Всем покинуть машину! – крикнул экипажу комэск.

Однако в ночном небе вспучились, словно белые шляпки грибов, лишь два парашюта – пилота и штурмана. Оба стрелка погибли в неравном воздушном бою. Оглянувшись по сторонам и увидев невдалеке раскрывшийся купол парашюта Кости Серова, майор

бросил взгляд вниз, где далеко на земле уже догорали обломки их самолета.

Но вот раздался рокот моторов, и рядом, словно две хищные птицы, промчалась в ночном небе пара «мессеров». Затем один из них развернулся и устремился к медленно спускавшимся на парашютах комэску и штурману. В ночном небе пророкотала длинная пулеметная очередь, и парашют штурмана, вспыхнув, тотчас отпустил устремившееся вниз тело Серова. В отчаянии комэск бессильно дернулся, вися на стропах парашюта, и, скрипнув зубами, с ненавистью прокричал:

– Гады! Какие же вы гады! Сволочи! Прощай, Костя!

Приземлившись на краю леса, за которым дальше простиралось болото, Колбаса, достав карту и сверив направление по компасу, не теряя времени и опасаясь, что в районе боя немцы будут искать оставшихся в живых членов экипажа сбитого бомбардировщика, двинулся на восток, стараясь, где можно, идти по воде, чтобы скрыть свои следы. Около двух недель пробирался он к линии фронта, старательно обходя населенные пункты. Шел по заболоченной местности, и в одну из ночей удачно перешел линию фронта.

В полк он вернулся исхудавшим, осунувшимся, поседевшим. Вернулся, чтобы вновь летать и отомстить за свой погибший экипаж...

Результаты боевой деятельности авиации дальнего действия и эффективность ее использования болезненно воспринимались руководством люфтваффе. В связи с чем рейхсмаршалом Германом Герингом был издан приказ, согласно которому за каждый сбитый двухмоторный самолет авиации дальнего действия летчикам люфтваффе в качестве поощрения предоставлялся месячный отпуск, а за сбитый четырехмоторный – двухмесячный. Так высоко оценивалась гитлеровским командованием результативность работы авиации дальнего действия.

8

Наступил первый месяц весны 1945 года. Ставка Верховного Главнокомандующего 17 марта утвердила решение командующего 3-го Белорусского фронта и потребовала завершить разгром груп-

пировки противника, прижатого к заливу Фришес-Хафф не позднее 22 марта, а через шесть дней начать разгром Кенигсбергской группировки.

Туман и постоянные дожди вначале затрудняли применение авиации. Лишь 18 марта, когда погода несколько прояснилась, 1-я и 3-я воздушные армии смогли активно поддерживать наступавших. Только за этот день в полосах в основном 5-й, 28-й и 3-й армий было совершено 2520 самолето-вылетов. В последующие дни воздушные армии не только осуществляли поддержку войск совместно с частью сил авиации дальнего действия 18-й воздушной армии, но и уничтожали транспорт и другие средства и объекты противника в заливе Фришес-Хафф, Данцигской бухте и портах.

Низкая облачность закрыла аэродром в районе станции Смыга, где располагался теперь полевой аэродром 18-го полка. Накануне прошел дождь, и взлётная полоса довольно основательно раскисла. Однако к обеду, несмотря на хмурающееся серое небо, полоса слегка подсохла благодаря дующему ветерку, и можно было аккуратно взлетать. Для полета в таких условиях, да еще и с риском в процессе взлета, требовалась изрядная выучка и высокое лётное мастерство экипажей. Этих качеств Евгению Будону и Николаю Михайлову, а также ряду других экипажей гвардейского полка было не занимать. Тем не менее, выбор командования пал на экипажи эскадрильи майора Колбасы. Решено было послать во главе с командом еще пару опытных экипажей. К вылету стали готовиться экипажи майора Колбасы, старшего лейтенанта Тарасова и лейтенанта Будона. Задача у экипажей была довольно сложной. Необходимо было не просто нанести бомбовый удар по немецким войскам и огневым точкам в районе Данцига на высоте с отметкой 131, а нанести его одновременно всеми тремя экипажами, которые к заданному району должны были подойти самостоятельно в условленное время. Встретившись в определенном квадрате, самолеты, отбомбившись, должны были возвратиться на аэродром, каждый своим курсом, чтобы не привлекать к себе внимания истребителей противника.

Ставя задачу перед экипажами, командир полка гвардии подполковник Вавилов был предельно краток:

– Надо помочь пехоте овладеть опорным пунктом противника, нанеся одновременно бомбовый удар по высоте 131, затем, не меш-

кая, уходить из этого района, поскольку там, по сведениям воздушной разведки, сосредоточено немало истребителей авиации противника. После выполнения задачи, рассредоточившись, уходить на базу. Всем понятна боевая задача?

– Понятна, товарищ гвардии подполковник, – ответил за всех майор Колбаса. – Разрешите идти?

– Идите, хлопцы, идите... Взлет по готовности! – махнул рукой командир полка.

Дружно повернувшись, летчики и штурманы вышли из штабного домика. Николай вместе с двумя другими штурманами, прихватив карты, направился к дому, где располагался штурман полка, чтобы еще раз согласовать маршруты движения, ориентиры на местности и время подлета в квадрат встречи трех экипажей бомбардировщиков. Расстелив на столе карты, Николай и штурманы двух других экипажей проложили на полётных картах маршрут через Влодаву, Мендзыжец, Остероде в направлении на Данциг, в район высоты 131, отметив красным карандашом цель.

И вот самолеты вырулили на старт. В бомболоках и на внешней подвеске под фюзеляжем находились фугасные бомбы. С большим трудом, практически по раскисшей взлётной полосе, звено дальних бомбардировщиков Ил-4, едва оторвавшись от земли, окунулись в мутную туманную пелену.

Впереди и чуть в стороне, как заметил Николай, летел самолет комэска майора Колбасы. Видимость сократилась до минимума, но пилотировать машины было можно, ориентируясь по приборам.

Пробив облачность, бомбардировщики построились в боевой порядок и взяли заданный курс. Перед линией фронта самолеты разделились и далее до подхода к цели должны были идти каждый своим курсом, а в районе цели объединиться, по возможности в заданном квадрате, и нанести один слаженный, массированный удар. Для этого штурману необходимо было рассчитать курс, время полета, скорость. Учесть направление ветра и возможный снос машины и многое, многое другое, что было под силу лишь опытному штурману. Кроме того, штурман, с момента взлета, должен знать местонахождение самолета и привести его в точно определенное время.

Линию фронта пересекли на высоте 4 200 метров за облаками. До подлета к цели оставалось почти полтора часа. Николай пони-

мал, что многое в этом полете зависит от него, ведь именно он является мозговым центром экипажа и от его умения зависит в целом выполнение боевого задания. Михайлов с тревогой поглядывал на приборы, делая сложные расчеты по прокладке курса. Время летело быстро.

– Женья! Давай вниз, до трех тысяч, нужно осмотреться, – попросил пилота штурман. Самолет плавно пошел вниз, навстречу земле, пробивая довольно густой слой облачности. Николай посмотрел на часы. Подлётное время почти вышло. Внизу мелькали темные прогалины земли, а также участки леса. Штурман лихорадочно сверял по карте местность, стараясь найти хотя бы один ориентир. Где-то недалеко должна быть железнодорожная ветка. Обнаружив ее, можно было легко войти в район цели, где должны находиться два других экипажа. Николай до боли в глазах вглядывался в рельеф медленно проплывающей местности, тщетно ища железнодорожное полотно. Времени почти не осталось.

В шлемофоне вновь раздался голос командира:

– Коля! Далеко еще по времени до цели? – спросил лейтенант Будон.

– Пять минут!

И вновь на борту тишина. Внизу, как заметил Николай, пристально вглядываясь в проплывающий ландшафт, еле просматриваются извилистые контуры берега реки, озер, небольших холмов.

Подлётное время вышло. Командир посмотрел на часы. Штурман молчал. Комэска и Тарасова также не было видно. Летчик понимал сложность поиска цели в такой, пересеченной озерами и оврагами, местности. Ему хотелось подбодрить Михайлова, снять напряжение. Молчит Коля – значит еще не видит объект.

– Ну, смотри, Коля, смотри!

Михайлов в свою очередь чувствует уверенность друга. Его радует искреннее желание командира помочь ему. Глаза вновь впиываются в однообразный ландшафт. И вот, наконец-то, мелькнуло железнодорожное полотно. Вот оно, есть!

– Командир, мы у цели! – с облегчением доложил Николай. – Женья! Мы нашли эту чертову высоту, мы нашли ее!

– Вижу, Коля, вижу. Впереди справа, чуть выше нас, машина комэска.

Командир потянул штурвал на себя, и самолет, послушно здрав нос, поплыл вверх, занимая потолок рядом с комэском. Самолет Тарасова подходил чуть ниже справа. Звено оказалось в сборе. Курс на высоту 131. Когда приблизились к цели, появились условия для прицельного бомбометания. Николай заметил, что наши войска обозначают себя ракетами. И вот, всё звено развернулось в сторону высоты. Штурман комэска, чей бомбардировщик шел головным, сразу же обнаружил замаскированные орудия и минометы на огневых позициях противника. Два небольших поворота, и Михайлов передал Будону: «Так держать!» И через пять секунд вновь прозвучала команда штурмана: «Боевой!»

Гитлеровцы открыли по бомбардировщикам ураганный зенитный огонь. Снаряды пушек, казалось, заполнили всё пространство вокруг летящих на боевом курсе машин. Но это не остановило экипажи.

– Сброс! – услышал доклад штурмана Женька. Самолет слегка подбросило вверх. Без бомб машина сразу стала послушнее и могла энергичнее выполнять маневры. Женька Будон отчаянно маневрировал самолетом, уходя из зоны зенитного огня. То тут, то там вспыхивали в небе разрывы, превращаясь затем в белые облачка, относимые в сторону ветром. Их становилось все меньше и меньше. Небо словно очистилось впереди по курсу самолета от смертоносных разрывов.

– Ну, всё, командир, оторвались от зениток! – облегченно доложил Будону воздушный стрелок Василий Батанин.

– Внимательно следи за воздухом. Нас могут атаковать истребители противника! – предупредил Василия командир.

– Всё, командир, домой! Курс 130. Домой, Женья! – скорректировал направление Михайлов. – Как понял?

– Да понял, Коля, понял... Идем домой! Кстати, комэска и Тарасова что-то не видно... Должно быть, уже ушли к линии фронта каждый своим курсом... Нам тоже пора! – ответил штурману летчик, взяв курс на юго-восток, в направлении линии фронта и своего аэродрома. Задание выполнено, но полет ещё не закончен и надо суметь вернуться. Да и сесть ночью на полевом аэродроме при такой распутице будет очень даже не просто.

– Миша, отстучи – задание выполнено, идем домой.

– Понял, командир, сделаю! – прозвучал ответ.

Дорога домой всегда казалась легче. Может быть, в силу того, что каждый из членов экипажа втайне искренне радовался, что всё успешно завершено, иногда ловя себя на мысли, что, конечно же, ещё не всё... Не всё лично для них уже окончилось удачно. Надо ещё дойти домой, не нарвавшись при этом на истребителей или зенитный огонь немцев. И тем не менее ощущение, что главное в этом полете они сделали, а остальное уже не важно, придавало какую-то уверенность, что всё закончится благополучно.

Николай посмотрел на часы... Скоро линия фронта, прошло чуть более часа полета. В это время в наушниках раздался голос пилота:

– Вася, как там в задней сфере? Смотри в оба, скоро передовая... Коля, время?

– Через семь минут, командир, время подлета! Вася, слышишь?

– Да слышу я, слышу! – ответил стрелок.

– Миша, ты что там, задремал что ли? – тут же Будон окрикнул стрелка-радиста.

– Ну да, уснешь тут... Всё в небо зенки пялю... А вокруг – никого. Красота! Должно быть, фрицы уже свой кофе пьют. У них ведь всё по расписанию, не до нас им. Да и не тот уже немец. Наколотили их за четыре года, вот и не летают...

– Ну, ты, Мишка, накаркай еще! – проворчал Николай. – Смотришь, и смотри себе, не отвлекайся, и людей не нервируй, понял?

– Да понял, Георгич, понял. Всё, умолкаю. Молчу, не то по шее получу... – опять с некоторым возмущением и обидой пробубнил Михаил.

Линию фронта миновали, когда на земле совсем уже стемнело. Далеко внизу, то тут, то там светящимися цепочками взлетали по дуге вверх ракеты, короткими всполохами света выхватывая отдельные участки земли. Фронт жил своей ночной жизнью.

– Женя, вправо десять, – скорректировал штурман. – Еще пять! Да. Вот так, хорошо, идем на аэродром...

Пилот знал, что посадка ночью на полевом аэродроме, где и взлётная полоса-то толком не высохла, очень сложное дело. Можно, выпустив шасси, угодить колесом при посадке в какую-нибудь незаметную на первый взгляд ямку, и тогда недалеко и до беды. В том случае надо просто быть предельно внимательным. Спустя еще полчаса впереди прямо по курсу показался аэродром. Однако вме-

сто привычного порядка и тихой размеренной ночной жизни аэродромной obsługi, Евгений заметил, что внизу, на самом краю взлётно-посадочной полосы, ярко в ночи полыхал костер.

– Женя, что это там у них внизу? – тут же раздался голос Михайлова. – Никак что-то случилось?

– Придется пройтись по кругу, чтобы оглядеться, где и что, – предложил пилот, уводя самолет на круг. После чего, пройдясь над аэродромом, вновь стал снижаться, целясь носом на запасную полосу и опускаясь все ниже и ниже. Спустя несколько секунд летчик и штурман, наконец, смогли разглядеть причину яркого кострища на взлётке.

На взлётной полосе лежал объятый пламенем скапотировавший бомбардировщик, вблизи которого металась группа людей.

Несколькими минутами позже, посадив самолет на запасной полосе, экипаж лейтенанта Будона узнал о трагической гибели их товарищей, прилетевших чуть раньше их с боевого задания. При посадке в ночное время самолет старшего лейтенанта Тарасова попал колесом в небольшую канавку и тут же, клюнув носом землю, перевернулся на спину. Штурман погиб сразу же. Стрелкам удалось выбраться из машины, когда Ил-4 загорелся. К сожалению, несмотря на усилия подоспевших к скапотированному самолету людей, летчика не удалось вытащить из объятых пламенем самолета. Так трагически погибли старший лейтенант Тарасов и его штурман.

На войне немало сюрпризов. Она не прощает малейших ошибок, и победа достается порой немалой кровью ставших близкими тебе людей – товарищей по оружию. И от этого становится вдвойне тяжелее. Дойти до своих и погибнуть – и это тоже лики войны...

9

В апреле 1945 года 3-й Белорусский фронт получил задачу разгромить Кенигсбергскую группировку противника и овладеть крепостью Кенигсберг, а затем очистить весь Земландский полуостров с крепостью и военно-морской базой Пиллау.

С приближением фронта к Кенигсбергу важнейшие предприятия города и другие военные объекты усиленно зарывались в землю. В крепости и на подступах к ней возводились укрепления по-

левого типа, которые дополняли имевшиеся там долговременные сооружения. Кроме внешнего оборонительного обвода, который советские войска частично преодолели в январских боях, были подготовлены три оборонительных позиции, в составе которых насчитывалось 15 старых фортов с артиллерийскими орудиями, пулеметами и огнеметами, связанных единой огневой системой.

Каждый форт был подготовлен для круговой обороны и фактически являлся небольшой крепостью с гарнизоном 250-300 человек. В промежутках между фортами размещалось 60 дотов и дзотов.

Гарнизон крепости состоял из четырех пехотных дивизий общей численностью около 130 тысяч человек. На его вооружении было до 4 тысяч орудий и минометов, 108 танков и штурмовых орудий. С воздуха эту группировку поддерживали 170 самолетов, которые базировались на аэродромах Земландского полуострова. От нападения с воздуха Кенигсберг прикрывался 56 зенитными батареями, насчитывавшими в своем арсенале около 450 стволов. Для разгрома такой мощной группировки противника и овладения городом требовалась тщательная подготовка, и авиации с тяжелой артиллерией отводилась решающая роль.

Поэтому для поддержки войск с воздуха советским командованием выделялась 1-я, 3-я и 18-я воздушная армия, а также часть сил авиации Балтийского флота. Для разгрома врага имелось в общей сложности более 2000 самолетов. Действия этих авиационных соединений корректировал представитель Ставки Верховного Главнокомандования главный маршал авиации А.А. Новиков.

6 апреля в 12 часов дня после мощной артподготовки наземные войска двинулись на штурм крепостных укреплений столицы Восточной Пруссии.

Метеорологические условия исключали участие в боевых действиях бомбардировочной авиации. Поэтому воздушная армия фронта, совершив в первые два часа штурма лишь 274 самолетовылета, не смогла помешать выдвижению и вводу в бой резервов противника.

Погодные условия на сей раз не позволяли использовать тяжелые бомбардировщики авиации дальнего действия ночью, в то же время их участие при штурме Кенигсберга было просто необходимым. По прогнозам синоптиков, 7 апреля 1945 года погода должна была улучшиться только в дневное время. В связи с этим советское

командование приняло решение ввести в сражение главные ударные силы авиации в условиях светлого времени суток.

7 апреля 1945 года, воспользовавшись прояснением погоды, авиация с рассветом начала интенсивные боевые действия.

Еще накануне командование приняло решение о переводе места базирования 18-го полка с аэродрома, расположенного в районе станции Смыга, на территорию Польши в Замостье, на аэродром, расположенный недалеко от польского города Люблина.

Утром перед полком была поставлена боевая задача – нанести удар по фортификационным сооружениям противника в Кенигсберге. Вылет предусматривался в составе всего полка в дневное время под прикрытием истребительной авиации. Удар должен был быть нанесен по Кенигсбергу в 13 часов 10 минут 7 апреля 1945 года.

Штурман полка уточнил еще раз экипажам объекты для нанесения бомбового удара. И вот весь полк поднялся в небо. Тяжелые машины, выстроившись в боевом порядке, взяли курс на северо-запад. Через 20 минут сверху подошли Яки – истребители сопровождения. Экипажи впервые в таком составе летели днем. В воздухе было множество наших самолетов, и вся эта воздушная армада летела на Кенигсберг.

Чуть правее, в пределах видимости Николай увидел другие самолеты их 18-й воздушной армии, летевшие параллельным курсом в район Кенигсберга и Пиллау.

«Вот это мощь, вот это силища!» – думал Николай, смотря через плекс на летящих впереди и сбоку своих боевых товарищей. Ощущения были необычными, ведь они практически впервые летели все вместе, крыло к крылу, среди бела дня, а не в темноте, глубокой ночью, где каждый самолет был отдельной ударно-тактической единицей и выполнял индивидуальное задание без поддержки товарищей и истребителей прикрытия. Чувство гордости переполняло души молодых людей, когда они думали о своей причастности к такому значимому событию, как участие в штурме прусской твердыни.

Потом, конечно же, им станет известно, что в этот день, после трех ударов фронтовой авиации, 516 дальних бомбардировщиков 18-й воздушной армии совершили массированный налет на крепость Кенигсберг. Под мощным прикрытием 232 истребителей они

разрушали крепостные оборонительные сооружения, огневые позиции артиллерии и уничтожали войска противника. В этот день советская авиация совершила 4758 самолето-вылетов, сбросив 1658 тонн бомб. Ничего этого Николай и его товарищи пока не знали, летя в общем строю на Кенигсберг.

И вот вдали показался большой город с мощными укреплениями. Далеко внизу шел бой. Это шли на штурм города наши войска. Город встретил армаду советских бомбардировщиков плотным зенитным огнем.

Николай успел заметить далеко на земле красные, покрытые черепицей крыши домов и других строений, когда в наушниках шлемофона раздался голос комэска Колбасы.

– Внимание, ложимся на боевой! Работаем по целям. Начали.

Михайлов склонился над прицелом, забыв про разрывы зениток и запах пороховой гари в машине, лоя в перекрестье огрызающийся огнем орудий один из фортов крепости.

– Женя, вправо пять, – подал Николай указание пилоту. – Так хорошо!

В это время по фюзеляжу сыпануло словно крупным градом. Машина слегка вздрогнула, острее запахло пороховой гарью. Однако Михайлов всего этого, казалось бы, в тот момент не чувствовал. Замерев точно изваяние, он глядел в прицел бомбосбрасывателя, затаив дыхание. В этот момент не слышал он и нетерпеливого Мишки Степикова: «Георгич, давай! Ну, что же ты? Сейчас нам влепят, гады...» Николай, затаив дыхание, буквально слился с прицелом, не видя и не слыша ничего вокруг, лоя свои, только ему ведомые координаты цели. Затем, выдохнув, крикнул пилоту:

– Женя, боевой! – после чего, вновь глубоко вдохнув, нажал наконец на кнопку сброса, обрадовано крикнув через некоторое время: – Есть. Прямо в башню!

Самолет произвел удачное бомбометание, и теперь всё зависело от пилота, уже крутившего противозенитные маневры и стараясь при этом не столкнуться в воздухе со своими товарищами, также бомбившими многочисленные объекты города. Полностью отбомбившись, самолеты авиаполка с истребителями прикрытия, взяв курс на юго-восток, направились в сторону своих аэродромов.

Спустя некоторое время посадка была произведена довольно удачно. Вместе с тем после этого боевого вылета в полку не досчитались трех экипажей, которые были сбиты над Кенигсбергом.

Приземлившись на аэродроме и спустившись на землю, экипаж оглядел свою машину. После осмотра, удивленно свистнув, Мишка Степиков сказал:

– Командир, нам повезло. Вон, сколько дырок наковыряли нам фрицы. Не крыло, а дуршлаг, да и только. Раз, два, три... – начал он тут же считать пробоины.

– Не трудись, Михаил. Шестнадцать штук словили, я уже подсчитал, – сказал незаметно появившийся техник-механик Новиков.

– Будем штопать. Да... Работенки достаточно, – подытожил техник. Затем, глядя на экипаж, добавил: – Главное, что вы все целы, а машину отремонтируем. Отдыхайте, ребята.

Впоследствии за участие в боевых вылетах на Кенигсберг и Пиллау многие члены экипажей 18-го гвардейского авиаполка, и среди них экипаж лейтенанта Евгения Будона, были представлены к наградам за взятие Кенигсберга.

Однако война еще не закончилась и враг продолжал сопротивляться, не считаясь со своими потерями. А впереди ещё был Берлин.

10

Все дальше и дальше на запад катилась война, и с каждым прожитым днем неумолимо приближался светлый и радостный праздник. День, к которому почти четыре года, сквозь огонь и дым полей сражений, невзирая на потери, шел советский солдат. День, ради которого отдали свои жизни десятки миллионов советских людей, гибли на фронтах Великой Отечественной, освобождая родные города и села. День, когда освобожденная Европа с благодарностью дарила цветы советским войскам освободителям. Этот День Победы... И каждый знал, что скоро, совсем скоро наступит этот день. А пока... Пока враг еще не был сломлен окончательно и продолжал активно сопротивляться на подступах к своей столице. И советскому командованию еще предстояло проведение знаменитой Берлинской операции.

Наступил апрель 1945 года. Согласно оперативным данным Ставки, на Берлинском направлении немцы имели 4 армии, в составе которых было не меньше 90 дивизий, в том числе 14 танковых и моторизованных, 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

Наступление на Берлин было решено начать 16 апреля. Основные силы авиации фронтов планировалось использовать массированно для поддержки наступления ударных группировок. В ее задачи входило – ведение воздушной разведки, прикрытие наземных войск от ударов противника с воздуха, обеспечение прорыва обороны и ввода в сражение подвижных войск, борьба с резервами врага.

Содействие войскам фронта в прорыве обороны ночью возлагалось и на 18-ю воздушную армию, в состав которой входил 18-й гвардейский авиационный бомбардировочный полк. С началом наступления советских войск бомбардировщики должны были сосредоточить основные усилия по опорным пунктам и узлам сопротивления гитлеровцев.

Войскам фронта нужно было прорвать сплошную эшелонированную зону мощных оборонительных рубежей, начиная от самого Одера и заканчивая сильно укрепленным Берлином. Предстояло разгромить на подступах к Берлину крупнейшую группировку немецко-фашистских войск и взять столицу фашистской Германии, за которую враг наверняка будет драться смертным боем.

В ночь с 15 на 16 апреля полку была поставлена задача с началом общего наступления советских войск нанести бомбовый удар по Зееловским высотам.

Этот естественный рубеж господствовал над окружающей местностью, имел крутые скаты и являлся во всех отношениях серьезным препятствием на пути к Берлину. Сплошной стеной стоял он перед нашими войсками, закрыв собой плато, на котором должно было развернуться сражение на ближних подступах к столице фашистской Германии.

Именно здесь, у его подножья, немцы рассчитывали остановить наши войска. Здесь они сосредоточили наибольшее количество сил и средств.

Зееловские высоты, как описывал позже в своих мемуарах Г.К. Жуков, ограничивали не только действия наших танков, но и являлись серьезным препятствием для артиллерии. Они закрыва-

ли глубину обороны противника, делали невозможным наблюдение ее с земли с нашей стороны. Артиллеристам приходилось преодолевать эти трудности усилением огня и, зачастую, стрелять по площадям.

Для противника удержание этого важного рубежа имело еще и моральное значение – ведь за ним лежал Берлин. Гитлеровская пропаганда в те дни всячески подчеркивала решающее значение и непреодолимость Зееловских высот, называя их то «замком Берлина», то «непреодолимой крепостью».

В первом часу ночи 16 апреля, когда экипаж авиаполка, будучи уже давно в состоянии готовности «номер один» в ожидании вылета в район Мюнхеберга, где располагались Зееловские высоты, в штабе полка раздался звонок, а затем поступила команда: «По самолетам! Запуск по зеленой ракете!»

В тяжелых комбинезонах и в унтах весь лётный состав полка быстро направился с командного пункта на стоянки самолетов и занял место в боевых машинах, готовых к вылету. И вот, наконец, в небо взвилась зеленая ракета. Один за другим отрываясь от земли в темное ночное небо, стали подниматься тяжелые Илы, беря курс на Берлин и выстраиваясь в боевой порядок. Самолеты на этот раз летели в тесном строю.

Николай невольно думал о том, какая же силища летит сейчас к Берлину, чтобы обрушить на врага свой смертоносный груз, приближая тем самым долгожданный день Великой Победы. И сейчас все мысли его были сосредоточены на одном – как можно точнее сбросить бомбы на позиции врага, сделать еще одну брешь в его обороне, облегчить нашим наземным войскам путь к Берлину. Однако нужно было возвращаться к своим обязанностям, тем более что в эфире тут же раздался голос летевшего вместе со всеми штурмана полка:

– Внимание! До подхода к линии фронта десять минут. Всем приготовиться!

Взглянув вниз, Николай смотрел как замороженный. Впереди за передним краем ярко озарилась вся прилегающая к высотам местность. В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули десятки зенитных прожекторов, бросавших свои лучи в глубину вражеской обороны, освещая поле боя и ослепляя противника. На земле стало светло как днем.

– Командир, что это там внизу? – изумленно-озадаченно спросил Мишка Степиков.

– Георгич, глянь вниз, – тут же подхватил второй стрелок Василий.

– Да вижу я, вижу. Сам не пойму. Может, химия какая или еще что... Кто там разберет, чего там, – ответил Николай.

– Вообще не понять, что там, – откликнулся командир, – и то хорошо, что сверху всё видно как на ладони.

А на земле в сторону противника огненными стрелами летели залпы «Катюш». Это была картина огромной, впечатляющей силы. Гитлеровские войска буквально утонули в море огня и металла. Сплошная стена пыли и дыма поднялась в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных протекторов не могли ее пробить. Наша авиация шла над полем боя волнами. Ночью несколько сот бомбардировщиков ударили по дальним целям, куда не доставала артиллерия. И в этот слаженный удар нашей авиации внес свою лепту и весь 18-й гвардейский Краснознаменный Севастопольский полк авиации дальнего действия. Экипаж лейтенанта Будона также сбросил весь свой смертоносный груз на позиции врага, расположенные на Зееловских высотах.

С высоты полета Николай увидел, как сотни огненных фонтанчиков от разрывов авиабомб взметали в воздух далеко на земле тонны земли, сокрушая позиции врага. Разбивали зарытые в землю немецкие танки и блиндажи, калечили технику и живую силу противника, неся смерть и разрушение. Разрывы авиабомб сливались с разрывами снарядов, и казалось, что на земле поистине разверзся ад.

Отбомбившись и не потеряв ни одного самолета, полк взял курс назад на аэродром. На следующий день из сообщения Совинформбюро стало известно, что в течение первых суток сражения было проведено свыше 6550 самолето-вылетов. За эти вылеты чуть позже полку было присвоено наименование «Берлинский». И он стал именоваться «18-й гвардейский Краснознаменный Севастопольско-Берлинский полк авиации дальнего действия».

С раннего утра 17 апреля на всех участках фронта разгорелись ожесточенные сражения. Враг отчаянно сопротивлялся. Однако к вечеру, не выдержав удара танковых армий, которые пробили на ряде участков оборону на Зееловских высотах, противник начал

отступать. Утром 18 апреля, как стало известно из очередной сводки Совинформбюро, Зееловские высоты были взяты, оборона противника – прорвана. Путь на Берлин был открыт, и в этом была частица труда лётного состава 18-го авиаполка, награжденного впоследствии медалями «За взятие Берлина».

Великая Отечественная война для советского народа вступала в завершающую стадию. Впереди лежал Берлин. Впереди ждала Победа.

11

27 апреля 1945 полк получил задание произвести бомбежку немецкой военно-морской базы, расположенной в Свиномюнде, на юго-западном побережье Балтийского моря. Эскадрилье майора Колбасы предстояло вылететь на бомбежку Свиномюнде. Однако выполнение задания осложнялось неблагоприятными погодными условиями в районе цели. На побережье Балтики бушевал грозовой фронт, который мог стать препятствием вылетающим в ночь экипажам эскадрильи. Готовые к вылету экипажи собрались вечером на инструктаж к штурману полка майору Алексеву.

Метеоролог принес сводку погоды, в которой говорилось, что по пути следования на северо-западе в районе Штеттина возможна гроза.

– Видимо, на Свиномюнде лучше зайти со стороны моря, с северо-востока, обойдя, таким образом, непогоду – посоветовал метеоролог полка Вихман.

– Может быть, он и прав, – согласился штурман полка майор Алексеев, затем продолжил: – Пойдете разными курсами, может быть кто и прорвется к базе. Часть эскадрильи возьмет курс практически по прямой, на Шнайдемюль – Волин – Свиномюнде. Другая часть на Бромберг – Трештов – Свиномюнде, третья на Бромберг – Кольберг – Свиномюнде со стороны Балтики. В случае невозможности обойти грозу на рожон не лезьте. Возвращайтесь на аэродром.

Экипажу лейтенанта Будона достался третий вариант – заход на немецкую военно-морскую базу со стороны острова Борнхольм на Балтике. Это, конечно же, значительный крюк, но в этом

направлении нет сплошного грозового фронта. В то же время часть пути пройдет над Балтикой.

Экипаж лейтенанта Будона вылетел в 23.30, взяв направление на Бромберг. Погода в Польше была неплохая: небольшая облачность над аэродромом в Замостье и проглядывавшая сквозь облака полная луна невольно вызывали сомнение, что где-то там, впереди, на северо-западе погода может быть совершенно другой. В то же время экипаж понимал, что на Балтике погода резко меняется, и от этого на душе было немного неспокойно. Николай сверил курс самолета, раскинув на коленях карту. Пока всё верно. Мерно гудели двигатели бомбардировщика, через час внизу показалась река и огни небольшого города.

– Командир, внизу Висла, пролетаем город Влоцлавек. Прошли половину пути. До побережья Балтики почти час лету. Сила ветра усилилась.

– Да, понял Николай, понял. Облачность кстати тоже... А впереди особенно, можно сказать сплошная.

Через некоторое время Николай отметил, что миновали Бромберг:

– Женья! Курс 310 на Кольберг.

– Понял, Коля! Погода портится. Скоро Балтика, – откликнулся летчик.

Минут через пятнадцать, когда до побережья оставалось не более двадцати минут лету, самолет нырнул в густую облачность. Слева засверкали вспышки молний, освещая призрачным светом кабину и крылья самолета. В это время они услышали доклад одного из также летящих где-то в ночи экипажей их эскадрильи:

– Ромашка, Ромашка, я Мак-3. Перегреваются моторы. Прошу разрешения возвратиться на базу.

– Мак-3, я Ромашка. Возвращайтесь на базу, – был тут же получен ответ.

Подойдя практически к Кольбергу, самолет вынырнул из сплошной облачности и повернул на северо-запад. Грозовой фронт остался в стороне. Меж редкими облаками светил полный диск бледно-серебристой луны.

Посмотрев вниз, Николай сказал пилоту:

– Командир, пересекаем береговую черту. Прошу повернуть правее десять. Семь минут идем строго на север, затем поворот на

запад в направлении острова Рюген. К цели подойдем откуда нас совсем не ждут, с севера.

– Понял, Коля, – ответил Будон, повернув штурвал в необходимом направлении.

В это время в эфире раздались позывные их комэска:

– Ромашка, Ромашка, я Мак-1. Отказывает в работе левый мотор. Разрешите нанести удар по запасной цели?

– Мак-1, я Ромашка. Возвращайтесь на базу! Возвращайтесь на базу... – раздался встревоженный голос начальника штаба полка майора Леонидова.

– Ромашка, я Мак-1!.. Я над целью, я над целью... Атакую!

В этот момент раздался какой-то треск, и связь оборвалась, лишь КП по-прежнему вызывало комэска:

– Мак-1, я Ромашка. Ответьте! – но ответа в эфире так и не было. Экипаж комэска не отвечал на запросы с командного пункта. В эфире наступила гнетущая тишина. Она держалась до самой посадки. Николай вновь сверил с картой курс их одиноко летящего в небе над морской гладью самолета.

– Командир, до цели десять минут. Курс 280, – внес очередную поправку штурман.

Над морем и в районе цели не было ни единого облачка. Видимо, ветер разогнал здесь густую облачность. Для бомбардировщиков это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что легче обнаружить корабли противника и точнее нанести удар по военно-морской базе, но, с другой стороны, и сами на виду у противника.

Михайлов вновь бросил взгляд вниз и увидел, как по морской глади на небольшой скорости шел сторожевой корабль.

– Командир! Внизу, правее тридцать, сторожевик противника.

– Я тоже вижу. А не отстал ли он от конвоя? Возможно, он имеет повреждения. Как думаешь, Николай? – спросил штурмана летчик.

– Думаю, что можно одной «пятисоткой» с подвески попробовать его достать. Но только одной, остальное побережь для базы, – ответил Михайлов.

– Добро, попробуем, – согласился Будон, доворачивая бомбардировщик в нужном для бомбометания направлении.

– Будем атаковать! – объявил Будон свое решение – Всем наблюдать результат.

Николай продублировал расчеты для бомбометания, уточнил курсовой угол. Самолет пошел со снижением, выходя на угол атаки. На корабле, видимо, ощутили надвигающуюся опасность. По бомбардировщику открыли сильный зенитный огонь.

Николай принял к бомбосбрасывателю, делая попытку одной бомбой утопить вражеский сторожевой корабль. Наконец, экипаж услышал от него долгожданное: «Сброс!»

Будон начал маневрировать, выводя самолет с набором высоты из зенитного огня. «Взрыв!» – в один голос прокричали из своих задних кабин воздушные стрелки Степиков и Батанин.

Внизу высокий пенный султан оседал на воду, но, к сожалению, – за кормой вражеского корабля.

«Промах! – тут же с досадой подумал Николай, – Жаль, но ничего не поделаешь. Видимо, в море на ветер нужно брать поправку чуть иначе, чем на суше». И затем обратился к пилоту:

– Женя, курс на Свинемюнде. Набирай высоту. Через пять минут берег, и мы над целью.

Самолет резко пошел вверх. Через три минуты показался берег. У причалов военно-морской базы находились военные корабли и стояли под погрузкой вражеские транспортные суда. Николай вновь принял к бомбосбрасывателю, производя необходимые расчеты, высчитывая угол сброса.

Где-то в стороне сверкнул прожектор. Вдруг впереди у самой кабины темноту прорезал сноп огня. Светящаяся пунктирная линия стремительно ринулась со стороны стоявших боевых кораблей навстречу самолету – это стрелял крупнокалиберный зенитный пулемет.

Трасса прошла совсем рядом. Казалось, еще какое-то мгновение – и самолет налетит на эту смертоносную цепь.

– На боевом! – прозвучала команда штурмана. Через пять секунд Николай доложил пилоту: – Все бомбы сбросил. Можно домой, командир.

Лейтенант Будон тут же свалил самолет на левое крыло и взял курс на аэродром. В это время раздался голос стрелка-радиста Мишки Степикова:

– Командир. Наблюдал, как Георгич своими «гостинцами» большое немецкое корыто под погрузкой утопил, с хорошим таким

водоизмещением... Расколлот надвое посудину. И еще чего-то там рядом рвануло. Нормально отбобились, в общем.

Благополучно приземлившись на своем аэродроме, ребята с горечью узнали, что с задания не вернулся экипаж майора Колбасы. Что стало с экипажем комэска и при каких обстоятельствах ребята погибли, так и осталось одной из миллионов неизвестных страниц войны.

И вот настал этот долгожданный день – 9 мая 1945 года. День Победы всего советского народа над фашистской Германией. Время не имеет власти над величиим того, что совершило старшее поколение, наши деды и отцы в дни величайших испытаний, отстаивая свободу и независимость Родины.

Спустя годы в нашей стране выросло уже не одно поколение, для которых война – это воспоминания, оставленные ветеранами – участниками тех далеких и трагических событий. И тем не менее, оглядываясь назад, мы всегда будем помнить тех, кто, не щадя своей жизни, ковал победу над врагом. Кто подарил нам наше будущее.

Вечная память и слава героям, павшим на полях сражений Великой Отечественной Войны!

Низкий поклон и безмерная благодарность всем тем, кто вернулся с этой войны, покрыв себя неуывдаемой славой!

Литературно-художественное издание

Федяев Александр Евгеньевич

В небе Европы

Повесть

Публикуется в авторской редакции.

Корректурa,
компьютерная верстка

М.В. Торгашева

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999 г.

Лицензия Плр № 020109 от 15.07.1999 г.

Подписано в печать 16.12.2008 г. Формат 60x90 1/16. Ризография.

Усл.п.л. 4. Тираж 100 экз. Заказ 963.

Барнаулский юридический институт МВД России.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.

656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49; www.buimvd.ru.